

"Украденный бриллиант"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Жюльетта Бенцони

Украденный бриллиант

Juliette Benzoni

LE VOL DU SANCY

© Кожевникова Е., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Пролог

Май 1589, замок Эльг, округ Винтертур, Швейцария

Француз стоял на открытой галерее, опоясывающей второй этаж замка, и, не отрывая глаз, смотрел на восток. Он ждал. Надеялся наконец увидеть скачущих всадников. С каждым днем он жаждал их приближения все нетерпеливее.

У него вошло в привычку проводить часы после ужина здесь, на галерее, наедине со своими мыслями, и ни один человек в замке не осмеливался заговорить с ним об этом, зная, насколько важно для него то, чего он ждал из вечера в вечер...

Французу было немногим за сорок, он был высокого роста, серьезное его лицо удлиняла небольшая каштановая бородка, где уже мелькала преждевременная седина, точно такая же, как в длинных волосах, откинутых с высокого лба. Он говорил мало, слушал внимательно, изредка улыбался, и затаившаяся в уголке его рта ироническая складка говорила, что ему не чуждо чувство юмора. Но вовсе не в эти сумеречные часы, полные ожидания и тревоги. Звали его Николая де Арлэ, сеньор де Санси. А те, кого он так ждал, все не появлялись. Времени между тем оставалось все меньше и меньше.

Во Франции только что закончилась – не солжем, если скажем, что из-за отсутствия соперников, – война, вошедшая в историю как Война трех Генрихов: короля Генриха III, его заклятого врага Генриха де Гиза и Генриха Наваррского, обращенного в католичество гугенота и единственного реального претендента на престол. Закончилась она так: король, напуганный безнаказанными бесчинствами Католической лиги [1], покончил при помощи клинков своих верных Сорока Пяти [2] с ее главой, ненавистным ему Генрихом де Гизом. А спустя короткое время был и сам убит сестрой де Гиза Екатериной де Монпансье. В живых остался только Генрих Наваррский, зять покойного короля, по вероисповеданию протестант, который однажды сказал: «Париж стоит мессы», – и принял католичество.

Сеньор де Санси поспешил в Швейцарию, желая помочь королю Наварры взять Париж и стать королем Франции. Чтобы придать величественности весельчаку, от которого разило чесноком и который любил всех женщин кроме своей законной жены, Маргариты де Валуа, сестры Генриха III, знаменитой королевы Марго, его поспешили короновать в великолепном шартрском соборе в присутствии Габриэль д'Эстре, его прелестной любовницы, которую он надеялся увидеть своей королевой. Но сначала нужно было завоевать Париж, мятежную столицу, а для этого Генриху IV нужны были солдаты.

Тонкий дипломат, обладатель немалого состояния и большой отваги, Николая де Арлэ предложил государю выход из затруднения, пообещав предоставить в его распоряжение десять

тысяч солдат, к тому же лучших в мире – швейцарцев. Вот почему француз де Арлэ находится в замке Эльг. Его хозяева, братья Хейнзель, могли не только достать нужное количество солдат, но и договориться с кантонами о займах, благодаря которым и можно будет нанять эту армию.

Для десяти тысяч солдат сумма требовалась не маленькая, а у новоиспеченного Генриха IV в распоряжении была едва только четвертая ее часть. Он был в отчаянии, и тогда сеньор де Санси сделал королю еще одно предложение: ради требуемой суммы он готов был заложить бриллиант из своей собственной коллекции. Самый крупный. Великолепный камень в пятьдесят пять каратов. Этот камень стоил дороже десяти тысяч людей. Король принял предложение Санси с радостью. Не трудно было догадаться, какое облегчение он испытал. И Арлэ отправил своего самого надежного слугу с письмом к старику дворецкому, посвященному во все семейные тайны. Среди многих тайн Жером знал и о бриллианте – он знал, где камень спрятан. Всадников с драгоценным камнем и ждал сеньор де Санси на открытой галерее, глядя в огромное небо, раскинувшееся над уснувшей деревушкой, чувствуя, как понемногу тает в его душе надежда.

Но однажды настал вечер, и он увидел вдалеке на дороге облако пыли и скачущего галопом всадника. Николя де Арлэ вздохнул с облегчением, узнав Поля, своего слугу. Однако радость мгновенно улетучилась. Поль был один. Где Жером, мажордом, которому было поручено привезти бриллиант?

Ответ последовал незамедлительно. Жестокий ответ. Жером неожиданно скончался в городе Дижоне. Удар едва не сбил сеньора де Санси с ног. Скончался?! В Дижоне? В родном городе Карла Смелого, Великого герцога Запада? А ведь бриллиант, именуемый теперь «Санси», был когда-то его любимым сокровищем. Камень у него украли, когда после поражения при Грансоне был разграблен лагерь герцога...

Друг короля невольно сжал виски обеими руками, ему почудилось, что кровь сейчас хлынет у него из вен. Но он справился с приступом отчаяния, поднял голову и собрался уже отправить Поля отдыхать, но тот, убедившись, что они одни, наклонился и произнес:

- Перед кончиной Жером дал мне поручение к господину графу.
- Поручение? Говори же!
- Сейчас. Жером заставил меня приложить ухо к его губам и прошептал: «Скажи господину графу, что всё при мне».
- Что это значит? Он ничего тебе не передал?
- Нет, только эти слова: «Всё при мне». И еще он прибавил, что нужно спешить. И вот...

Последние слова Поль произнес уже в пустой галерее. Сеньор де Санси мчался вниз по лестнице, собираясь немедленно пуститься в путь. На последней ступеньке он обернулся и крикнул Полю:

- Где ты оставил Жерома?
- У врача. Он уверял, что его отравили, настаивал на вскрытии, но только в вашем присутствии. Я мчался к вам как сумасшедший.
- И правильно мчался. Мы едем в Дижон.

Час спустя два всадника покинули замок Эльг.

Дом доктора Пиза в Дижоне смотрел прямо на церковь Святого Михаила, прекрасное здание эпохи Возрождения, каких мало осталось во Франции. Дом был уютный, с небольшим садом, в глубине которого во флигеле находилась лаборатория. Спустившись на несколько ступенек вниз, Арлэ вошел в нее и был немало удивлен, увидев тело Жерома на каменном столе с бороздками для стока крови.

- Почему вы его не похоронили? - изумленно спросил он.

- Старик был уверен, что вы непременно приедете, узнав о его кончине. Он считал, что его отравили, и настаивал, чтобы вскрытие происходило в вашем присутствии. Только после этого его тело могло быть предано земле. Вы желаете, чтобы мы приступили к вскрытию? Должен отметить, что с приездом вы не замедлили.

- Жером был мой самый верный слуга. Он никогда не бросал слов на ветер.

Врач зажег два факела по обоим концам стола, снял верхнюю одежду, надел большой кожаный фартук, засучил по локоть рукава рубашки, вооружился скальпелем и наклонился над телом. Взмахнул рукой и сделал длинный надрез, раскрыв мертвецу грудь. Второй надрез открыл врачу доступ к пищеводу, желудку и прилегающим к нему кишкам. Он внимательно изучил их, потом объявил:

- Бедняга ошибся. Жером не был отравлен. Его органы в полном порядке.

Но де Арлэ не сдавался, он кое-что понял. И указал на раздувшийся от присутствия постороннего предмета пищевод.

- Думаю, там находится то, что мы ищем.

В самом деле, в следующую секунду Пиз уже держал в руках небольшой шарик, покрытый кровью и сукровицей, сквозь которые пробивалось его сияние. Владелец безотчетно улыбнулся. Он знал, что, поручив старому дворецкому хранить самый прекрасный из бриллиантов своей коллекции, он сделал правильный выбор. Сокровище у Жерома было в большей безопасности, чем у самого хозяина.

Тщательно обтерев бриллиант и собираясь убрать его сначала в замшевый мешочек, а затем в карман камзола, Николя де Арлэ невольно залюбовался богатой игрой камня, который он считал уникальным, единственным в мире. Мужчина расставался с ним не без горечи, но что поделать? Положение нового короля Франции было тяжким, и он должен был получить свои десять тысяч солдат. Лучшую в мире пехоту - швейцарцев. С ними он получит Париж, который «стоит мессы», и тогда истерзанная религиозными войнами Франция обретет наконец умного, доброго и человеческого государя...

Николя де Арлэ, позволив себе отдых лишь в виде плотного ужина с лучшим вином, не медля ни секунды, помчался обратно в замок Эльг.

«Санси», украшавший когда-то баснословную сокровищницу бургиньонов, продолжил свое удивительное странствие...

Часть первая. Дамский заговор

1. Опрометчивое обещание

Мощное чиханье, а затем приступ лающего кашля, свидетельствующий скорее о ярости, чем о простуде, сотряс не только мраморную лестницу, но и весь дворец Морозини. Лиза, поднимавшаяся в эту минуту по ступенькам с подносом, над которым вился пар от чашки с горячим шоколадом, уставленным горшочками с медом и корзинкой с круассанами, едва не упала. Как, впрочем, и Ги Бюто, бывший учитель Альдо Морозини, а теперь управляющий делами знаменитого ювелира, знатока старинных драгоценностей. Мужчина, наоборот, спускался по лестнице вниз, в библиотеку, и держал в руках стопку книг.

- Ему ничуть не лучше, - отметил Бюто, подняв глаза к потолку.

- И мне так кажется, - со вздохом согласилась молодая женщина. Она остановилась посреди лестницы, чтобы немного прийти в себя. - Он никак не может успокоиться, потому и не выздоравливает. К тому же пьет теперь шоколад вместо своего безумно крепкого кофе.

- И зачем ему понадобилось, несмотря на простуду, нестись в Англию?

- Можно подумать, вы его не знаете и не вы его учили! Да вы оба теряете головы, если речь заходит о знаменитой коллекции вашего старого друга и к тому же давнего, скажем, партнера, потому что Альдо терпеть не может слова «клиент». Друзья устаивают его особого внимания, а если они еще и в возрасте и не могут сами ездить... Это и был случай лорда Эллертона-старшего, который у всех пользуется заслуженным уважением и которого Альдо очень любит. Лорд написал письмо, прося помочь ему составить завещание. Старик хотел, чтобы доли, которые он оставит своим двум детям, были равными, и еще желал оценить свои редчайшие драгоценности, доставшиеся ему от Тюдоров.

- Бредовая, однако, идея делить коллекцию! Скажите на милость, кто это их делит? Ну, разве когда продают с молотка. И наследники тоже обычно желают получить коллекцию целиком, мы-то с вами это прекрасно знаем. Но будь я на вашем месте, то поторопился бы с шоколадом. Он остынет, пока мы с вами болтаем.

- Сама мудрость говорит вашими устами, - засмеялась Лиза и поспешила вверх по лестнице. - А поездка, конечно, выдалась престранная!

И это самое меньшее, что можно было сказать об этой поездке.

Четыре дня тому назад Альдо срочно вызвали в Кент. Он уже чувствовал себя неважно и поэтому решил лететь до Лондона самолетом, хотя и терпеть не мог этого. Потом он собирался взять напрокат автомобиль и на нем добраться до замка старого сеньора. Альдо влекло туда не только дружеское почтение, но и желание полюбоваться одной из самых прекрасных в мире коллекций драгоценных камней, пока она была еще в целости и сохранности. А что с ней будет дальше из-за принятого лордом решения, знал один только Бог.

Альдо улетел в общем-то даже с приятным чувством, несмотря на начинающийся бронхит. Его всегда радовала возможность повидаться с лордом Эллертоном, так как оба они обожали драгоценные камни с историей. Речь к тому же шла о дружеском общении, а не о коммерческой сделке. В общем, поездка обещала быть очень приятной.

Но!..

Альдо вернулся буквально на следующий же день, сердитый, разобиженный и в два раза сильнее простуженный, чем накануне. Что же произошло? Во-первых, Англия встретила

путника полярным холодом, лишив его бронхи возможности нормально дышать. Во-вторых, лорда Эллертона не оказалось дома, он не только не ждал Альдо, но даже не думал его вызывать.

Мало того! Дворецкий Эллертона Седвик, не зная, когда вернется хозяин, не предложил Альдо подождать его в замке. Впрочем, князь и не принял бы его приглашения, предпочитая болеть на своей собственной постели, а не в чужом доме, пусть и друга.

Погода была ужасная, но Альдо снова сел во взятый напрокат автомобиль, добрался до Лондона, потом до аэропорта Хитроу, чтобы взять билет на самолет до Парижа, хоть и не любил воздушные перелеты. Прилетел в Бурже, из Бурже тоже самолетом в Милан, а уж из Милана отправился поездом в Венецию. И тут злобная судьба его доканала: городу дождей грозила «высокая вода»!

Обычно Альдо не видел большой беды в наводнениях, разве что Лизе вместе с тремя ребятишками приходилось поспешно перекочевывать к бабушке в ее замок Рудольфкрон, чтобы быть уверенной, что ее малыши выйдут «сухими из воды». Подобное переселение вошло у них уже в привычку.

Многие годы подряд, за редчайшим исключением, примерно в одно и то же время Адриатическое море заливало Венецию, затрудняя доступ к домам и вынуждая городские власти снабжать улицы и открытые пространства вроде площади Святого Марка высокими деревянными тротуарами, к которым венецианцы успели так привыкнуть, что перестали их замечать. Флот речных трамвайчиков, катеров, барж и гондол был настолько обширен, что обеспечивал горожанам привычное течение жизни, так что никто из них не испытывал особенных неудобств. Однако Лиза с тех пор, как ее дети начали перемещаться самостоятельно, не сомневалась, что у них хватит фантазии на всевозможные опасные глупости, а потому увозила их от греха подальше к бабушке, где вода превращалась в белый снег и не грозила утопить ее драгоценных крошек.

Она и на этот раз готовилась отправить детей к бабушке, даже не дожидаясь «высокой воды». Причиной ее уверенности была еще и болезнь Альдо. Как каждая добропорядочная швейцарка, Лиза являлась заклятым врагом любой инфекции, всех бацилл и всех микробов. Оберегая детей от опасности, она собиралась уехать с ними немедленно к заснеженным вершинам Зальцкаммергута в бабушкин альпийский замок, где их ожидали увлекательнейшие игры. Хотя детям казался еще более многообещающим по части игр отцовский замок, плавающий в воде, но, к сожалению, здесь за ними следили не спуская глаз двадцать четыре часа в сутки. Так что Альдо, вернувшись из Англии, не мог наслаждаться полным покоем и заботами любимой красавицы жены... Он и внутренне был далек от покоя. Отсутствие лорда Эллертона почему-то его тревожило. Оно было неожиданным, необъяснимым. На протяжении многих лет лорд был одним из самых надежных его партнеров. Поверить, что такой человек сыграл с ним дурную шутку, Альдо не мог. Лорд Эллертон не любил шуток.

Не будь Альдо так простужен, он, возможно, тут же принялся бы за разгадывание этой загадки и непременно бы справился с этим еще в Англии, но в тот вечер в голове у него не складывалось даже два и два, а его живое воображение видело перед собой лишь кровать в венецианском палаццо. Даже мысль о возможности заглянуть в Париже на улицу Альфреда де Виньи пролетела мимо: разве можно навещать любимую старенькую тетюшку, очаровательную маркизу де Соммьер, став ходячей колбой с микробами?

Однако домашний покой оказался недолговечным. Он улетучился в тот самый миг, когда Альдо принялся за свой завтрак. На пороге спальни появился обеспокоенный Ги и сообщил:

- Внизу леди Риблсдэйл-Астор!

Альдо в этот миг как раз опустил кусочек хрустящего круассана в чашку с горячим душистым шоколадом. На Ги он посмотрел несколько рассеянно.

- Надеюсь, вы сказали, что я в агонии и по этой причине никого принять не могу.

- Разумеется, да. Но она ответила, что в этом случае встреча должна состояться немедленно!

- О, господи! Эта женщина доконает меня своими фантазиями! Попросите Лизу заняться ею.

- Я бы сделал это, не медля ни секунды, но ваша супруга несколько минут назад отправилась к парикмахеру.

- В таком случае попросите леди Риблсдэйл поделиться с вами своими проблемами, напомнив, что вы мой полномочный представитель и ваши решения являются моими решениями.

- Я сделал и это, но, похоже, дело очень серьезное, и в первую очередь для вас. Леди объявила, что не уедет, не повидавшись с вами. Более того, она расположилась в вашем рабочем кабинете и сообщила, что не тронется с места, пока вы не придете. Мне показалось, что леди настроена очень решительно.

- Не сомневаюсь. «Мы здесь по воле народа и прогнать нас могут только пушки!» Похоже, она вообразила себя Мирабо [3] в юбке.

- Нет, ничего подобного леди не говорила. Повторила только несколько раз: «Обещание есть обещание».

- На это нечего возразить. Я обещал ей достать бриллиант за то, что она выручила меня из прескверного положения в Понтарлье. И если я до сих пор не кинулся на его поиски, то только потому, что не теряю надежды убедить своего тестя продать мне бриллиант «Зеркало Португалии». Уверен, что получу его без особых трудностей – как-никак я сам его ему продал. Но если он не захочет, то и тут надежда не потеряна: я его законный наследник. Так что успокойте леди Аву и заверьте: я непременно ей позвоню, как только бриллиант будет у меня.

Ги немедленно вышел из спальни. Но не прошло и пяти минут, как он вернулся снова.

- Мне очень жаль, но дама настаивает...

Он не успел закончить фразу. Дама была уже в спальне. Одетая необыкновенно изящно – в сказочное манто из золотистой норки, накинутое на бархатное того же тона платье, в боярской шапке в русском стиле, расшитой мелким жемчугом, с сумкой и в туфельках крокодиловой кожи, – грозная леди Ава, похоже, собралась на прием в посольство или на церемонию бракосочетания в высшем свете, а не на утреннюю прогулку по хмурой зимней Венеции. Она заговорила, и Альдо понял, что мир рухнет, если он сию же секунду не выполнит ее требований. Оставалось узнать, что хочет леди Ава. И Альдо, чувствуя давление в висках, предвещающее мигрень, осведомился:

- Просветите меня, драгоценнейшая леди, что именно вы желаете?

- Как что? Конечно, мой бриллиант!

- Ваш бриллиант? Послушайте! Еще и месяца не прошло, как я пообещал вам достать камень.

Не было случая, чтобы я не выполнил обещания. Но мне нужно время. Время, чтобы я мог оглядеться, выбрать...

- Я знаю, что вы уже все выбрали. Где вы были позавчера?

- Я мог бы ответить, что вас это не касается, но предпочитаю оставаться вежливым и скажу, что был в Англии. Вы удовлетворены?

- Пока да. Посмотрим, как пойдет дальше. Я считала, что у нас будет время спокойно закончить наши дела, но если вы при смерти, думаю, гораздо разумнее, если вы отдадите его мне немедленно. Я расплачусь и исчезну.

- Расплатитесь за что? - недоуменно спросил Альдо. Мигрень все усиливалась.

- Повторяю: за бриллиант! Я приехала сразу же, как только узнала новость. И скажу вам сразу, я очень благодарна. Разумеется, я не смогу носить его какое-то время, но, во всяком случае, он будет у меня и я смогу им любоваться, сколько захочу.

- Черт побери! О каком бриллианте вы говорите? Я ездил в Англию вовсе не за тем, чтобы покупать какие бы то ни было камни!

Бывшая леди Астор одарила Альдо лучезарной улыбкой:

- Не разыгрывайте невинного младенца. Со мной это ни к чему. В этом деле мы с вами заодно. Говорите же, сколько я вам должна, мы подписываем чек, и...

- Ради всего святого, скажите, на каком я свете! Надеюсь, что я еще не сошел с ума! Объясните, о каком бриллианте вы мне только что прожужжали!

- Не знаю, бронхит или насморк отключил вам голову, - снисходительно вздохнула леди. - Я говорю о «Санси»! Драгоценном сокровище этой индюшки Нэнси Астор, моей родственницы по мужу. Вы представить себе не можете, до какой степени я вам благодарна! Это же великолепно! Утащить такую прелесть у нее из-под самого носа!

Альдо почувствовал, что голова сейчас лопнет.

- «Санси» украден?!

- Думаю, по части этой кражи вы осведомлены лучше других. Кто как не вы автор гениального похищения? Да еще из замка Хивер. Я же сказала, под самым носом. Как мне жаль, что я над вами посмеивалась. Вы великий человек, милый Альдо!

«Великий человек» в эту минуту почувствовал, что ему просто необходима дополнительная информация, и к тому же такая, какой он мог бы доверять. Альдо снял трубку с внутреннего телефона, стоящего на столике.

- Ги, пожалуйста, поднимитесь ко мне на секундочку, - попросил он, пытаясь сохранить спокойствие.

- Да, конечно. Сейчас буду.

Не прошло и минуты, как он уже стоял в спальне Альдо, с большим трудом удерживаясь от смеха. Картина и впрямь была забавная. В постели полусидел изрядно помятый Альдо. Запустив обе руки в волосы, он пытался привести свои мысли в порядок, но, судя по

выращенным глазам, это ему плохо удавалось. А возле горящего камина в кресле удобно расположилось пушистое облако золотистой норки. Леди Ава довольно улыбалась, доставая из крокодилового портмоне чековую книжку и массивную золотую ручку, приговаривая при этом, что в такие минуты время дороже золота, что нужно как можно скорее спрятать камешек, что...

- Кажется, похищен «Санси». Вы что-то об этом знаете?

- Узнал только что, заглянув в газету, которую принес Пизани. Украли прямо из замка Хивер, цитадели лорда Астора. Согласитесь, для этого нужно немалое хладнокровие.

- Вы даже представить себе не можете какое! Как думаете, чем занята леди Риблсдэйл у нас в доме с утра пораньше? - Ги посмотрел на Альдо вопросительно. - Она надеется найти этот бриллиант у нас. Уверена, что я украл его! Хочет спрятать камень до того, как меня арестуют.

Бюто не успел ничего ответить: к домашнему «оркестру» присоединился еще один голос.

- Это что еще за история? - воскликнула Лиза. Она только что вернулась от парикмахера и распространяла вокруг благоухание роз. - Но в первую очередь мне кажется, милый друг, что вы потеряли всякое благоразумие - вы принимаете даму у себя в спальне и к тому же в мое отсутствие.

- Да, Лиза, сейчас самое время поговорить о приличиях! И не говорите мне, что не узнали леди Риблсдэйл!

- Конечно, узнала и от всей души приветствую ее у нас в доме. Но думаю, что вы не станете со мной спорить, Альдо, и признаете, что у нас хватает места, - есть несколько гостиных, а у вас рабочий кабинет, - где вы всегда можете принять гостей, не приводя их к себе в спальню.

- Не будем формалистами, дорогая. А теперь я попросил бы вас дать мне возможность встать с постели. Она кажется неуместной для продолжения разговора. Соизвольте подождать меня в библиотеке, уважаемая леди Ава.

- Я предпочитаю Лаковую гостиную, - безапелляционно объявила американка. - Мне нравятся висящие там портреты.

- Почему бы и нет, подождите меня там, - согласился Альдо, готовый послать леди куда угодно, а всего предпочтительнее в ад, лишь бы выбраться наконец из постели, в которой он выглядел совершенно по-дурачки. - А Лиза, не сомневаюсь, позаботится и для вас и для меня о трех чашечках кофе. Кофе - мое спасение! От шоколада уже тошнит. Все за порог! Я не заставлю себя долго ждать!

Заметив, что голубые глаза мужа зеленеют, и, зная, какой это дурной знак, Лиза поспешила увести нежданную гостью вместе с ее мехами, собираясь поинтересоваться, где она купила норку такого невиданного цвета, хотя прекрасно понимала, что сейчас не лучшее время, чтобы болтать о нарядах.

Альдо и в самом деле не заставил себя ждать. Не прошло и пяти минут, как он появился в гостиной, обретая вместе с брюками, элегантным темно-синим халатом и таким же шелковым фуляром [4] присущее ему достоинство. Между тем Захария уже разливал из серебряного кофейника напиток в чашечки мейсенского фарфора. Леди Ава не обратила никакого внимания ни на фарфор, ни на кофе. Она не сводила глаз с портрета матери Альдо, который заворожил ее еще в прошлый раз. [5] Лиза, удобно расположившись в изящном кресле, обитом

старинным шелком, воспользовалась случаем, чтобы хорошенько рассмотреть знаменитейшую Аву Лоули-Уиллинг, ставшую после замужества Авой Астор, а потом и леди Авой Риблсдэйл. Она с трудом удерживалась, чтобы не спросить, каким волшебным рукам леди доверила хранить свою красоту, поражавшую окружающих уже то ли семьдесят, то ли все восемьдесят лет.

Появление мужа вернуло Лизу на землю. Ничего не спросив, она подала Альдо чашку кофе, и он мгновенно выпил его, похоже, не заметив, насколько напиток обжигающий. Выпил и тут же попросил налить еще. После второй чашки он вернулся к животрепещущей теме.

- А теперь попробуем разобраться в этой невероятной истории, - начал он. - В газете пишут, что бриллиант «Санси», этот знаменитейший с шестнадцатого века камень, был похищен три дня тому назад из замка Хивер в Кенте.

- Об этом я вам и твержу уже битый час. И еще... - начала было леди Ава.

- Позвольте! Вы утверждаете нечто куда более интересное. Вы считаете, что эту кражу совершил я.

- Конечно, вы, а кто же еще? И я всегда буду вам за нее благодарна, потому что вы совершили ее ради меня! Обещали и сделали!

- Остановимся и разберемся! Я обещал вам какой-нибудь знаменитый бриллиант. Речь о «Санси» не заходила и близко. Я думал о другом камне, очень известном и красивом, но отнюдь не собирался рядиться в грабителя, чтобы его достать. Проведя переговоры, возможно, жаркие и не совсем приятные, я бы подписал чек и потом передал бы вам бриллиант самым законным в мире образом.

- И что это за такое чудо?

- Я скажу вам, когда «Санси» будет найден. Но я не могу понять, что могло навести вас на мысль, что я причастен к этому преступлению.

- Вы были в Кенте именно в эти дни. Правда же?

- Не могу отрицать. Навещал одного из моих партнеров. Его имени я вам не назову, так как никогда не раскрываю профессиональных секретов.

- И не надо! Я все знаю и без вас!

- Что «все»?

- Знаю все, что там произошло. Вы преспокойно заявили в Хивер, и мои родственнички, в том числе и индюшка Нэнси, которая просто мечтала с вами познакомиться, приняли вас с распростертыми объятиями. Вы там переночевали, а на следующее утро укатили, прихватив с собой «Санси». Родня, разумеется, очень расстроилась.

- Ваша родня меня видела?

- Конечно. Они были очарованы. Поначалу. Потом гораздо меньше. Но, поверьте, их огорчение со временем пройдет. А вам показали замок? В нем, кажется, выросла Анна Болейн. Король тех времен сначала на ней женился, а потом отрубил ей голову, потому что она в постели

оказалась ледышкой. Говорят, что иной раз ночью можно с ней повстречаться, бродит там, бедняжка, с головой под мышкой. Оригинальное, доложу я вам, зрелище, не находите?

- Вы с ней встречались? - осведомилась Лиза светским тоном, словно бы поддерживая беседу, а на деле давая мужу опомниться и прийти в себя, за что заслужила от него благодарный взгляд.

- Я? Нет. Я боюсь привидений. На мою беду, в Англии они очень распространены. Их повсюду полно. Но только не у меня. После смерти мужа я переделала наш дом сверху донизу, у меня все новехонькое, но живу я чаще всего в гостиницах. А бриллиант, о котором вы говорите, должно быть, из коллекции вашего тестя. Господин Кледерман дружит с моей родней и часто у нее бывает. Он...

- Он тоже был там, когда совершилась кража, и тоже имеет к ней отношение? - с издевкой предположил Альдо.

- Вы прекрасно знаете, что его там не было. Вы бы не решились красть бриллиант при тесте. Потому что, я думаю, он не стал бы вам помогать. Но вы были в замке один.

- Значит, семья Астор готова принять по-дружески человека, которого в глаза не видела? - уточнил он.

- Вы стали знаменитостью, миленький князек. И вам нужно к этому привыкать. Правда, иной раз слава причиняет неудобства. Что до моей английской родни, то она, представьте себе, очень гостеприимная. А поскольку у вас был сильнейший насморк - хотя надо сказать, что вы всегда с насморком, - вас оставили ночевать. Уж очень скверная была погода.

Последнее сообщение добило Альдо. Он лишился дара речи. Нелепая история превращалась в кошмар.

- Ну что? Убедились, что мне все известно? - продолжала с удовлетворением роковая женщина. - Я понимаю, вам хотелось бы подержать мой бриллиант у себя подольше, насладиться, полюбоваться им. Но это неразумно. Я плачú и...

- У меня нет бриллианта! - возопил Альдо, издав вместо грозного рыка сиплое подобие лая. - Я бы руку отдал на отсечение, чтобы узнать, какой сукин сын, назвавшись моим именем, проник в замок и увел из-под носа хозяев камень. Кто обвел вокруг пальца этих олухов?!

После деликатного стука, не услышанного среди бушевавшей бури, в гостиную вошел Анжело Пизани и передал хозяину небольшой конверт. Альдо открыл его, развернул сложенную вчетверо записку, не без удивления пробежал глазами и спрятал в карман. Лиза с недоумением отметила, что по небритому лицу мужа пробежало что-то вроде улыбки.

- Я давно заметил, леди Ава, что Святой Дух частенько внушает интереснейшие идеи любителям сплетен. Надеюсь, вы позавтракаете с нами?

- Но я же... - начала она, сбившись с толку.

- Вы остановились у Даниели. Я не ошибся?

- Да, на всякий случай. Из предусмотрительности. На тот случай, если вы не захотите расстаться с моим «Санси» так скоропалительно. Но лично я предпочитаю не задерживаться: как только получу от вас бриллиант, тотчас же уеду.

- В сотый раз повторяю, что у меня нет бриллианта. Но, если желаете, можем вместе пуститься на его поиски. Согласны?

- То есть вы хотите, чтобы я... - начала леди Ава, приходя во все большее замешательство.

- Вот именно! Пизани проводит вас, а потом за вами вернется, когда придет время. А мне пора привести себя в приличный вид.

Ничего иного леди Аве не предложили, и она была вынуждена отправиться в сопровождении Анжело в гостиницу.

- По-моему, Альдо, у тебя с головой не все в порядке, - возмущенно заговорила Лиза, как только леди Ава удалилась. - Пригласить себе в компанию сумасшедшую! Да она способна на все, лишь бы найти этот дурацкий бриллиант!

- И я, представь себе, тоже! А ты пока, не теряя ни минуты, разыщешь своего отца. Попроси его как можно скорее доставить меня в Хивер. Мориц хорошо знает Асторов, и скорее они благодаря этому убедятся, что я не имею к краже никакого отношения. Вот уж чего бы мне не хотелось ни за что на свете, так это прослыть вором!

- Неужели у тебя есть двойник? - задумчиво произнесла Лиза и улыбнулась. - Хотела бы я на него взглянуть!

- А как я бы хотел! И от души набил бы ему морду! Я допускаю, что кто-то похож на меня. Говорят, у каждого из нас есть в этом мире двойник. Похож, и ладно! Но я никогда не допущу, чтобы мое доброе имя марали грязью! И в подтверждение пойду и приму ванну!

- Ванну? С бронхитом?

- К черту бронхит! Чистота в первую очередь!

Альдо кашлянул, посопел, потрогал себе лоб, определяя температуру. Температура была нормальной. И даже головная боль улетучилась.

- Я все поняла! - заключила Лиза. - Снова за старое! Стоит замаячить на горизонте приключению, и...

- Дело не в приключении, речь идет о моей чести, репутации, добром имени, которое носите и вы, дорогая княгиня Морозини! Полагаю, сохранение чести может внушить вам должное почтение, очаровательная злючка?

- Вы хотите сказать, мне пора складывать для вас чемодан? И не забыть теплые вещи, конечно же?

- Именно! Я уезжаю сегодня вечером, постаравшись днем внушить леди Аве отвращение к краденым бриллиантам. Стало быть, я помогу тебе терпеть ее общество до вечера.

По раздувающимся ноздрям Лизы было видно, что до взрыва оставались считанные секунды.

- А что это за письмо ты спрятал себе в карман?

- Это не письмо, сердечко мое, это записка от Адальбера. Он только что к нам приехал.

- Приехал? И где же он?

- В прихожей. А может, в гардеробной. Пизани собирается позавтракать с ним на кухне.
- Завтрак с Пизани? А почему не со мной? Он же мой самый любимый мужчина на свете! После папы, конечно, и тебя. Однако история с бриллиантом становится все необыкновеннее. И каким образом вы собираетесь уехать из Венеции?
- Зиан отвезет нас на катере в Местр, а дальше посмотрим. Еще не решили.
- Поняла, - вздохнула Лиза. - Скажи только одну вещь: если я дозвонюсь папе, что ему сказать? Только не забывай, что наш телефон прослушивается.
- Та-а-ак! Скажи, что тетя Амели заболела, я тоже, и ты бы очень хотела, чтобы он приехал за новостями в парк Монсо.

Лиза сердито поджала губы:

- Ты же знаешь, я не люблю вранья про болезни. Ложь, того и гляди, оборачивается правдой, а я слишком дорожу тетей Амели...

Растроганный грустью в голосе жены, Альдо ласково ее обнял.

- Я тоже, сердечко мое, ты же понимаешь...

Он погрузил пальцы в венецианское золото Лизиних волос, нежно поцеловал ее возле необыкновенно фиолетовых глаз, а затем приник к губам совсем не супружеским поцелуем. Лиза в ответ рассмеялась воркующим смехом.

- Чудо из чудес! Действительно, выздоровел! Иди и побрейся, а то ты страшно колючий! И скажи: какая роль отводится мне? Роль Пенелопы, ждущей возвращения мужа, сидя у очага?

- Ты же умница, сама все знаешь.

- Хорошо. Значит, я отправляюсь в Вену, как только узнаю, что ты без проблем уехал из Венеции. Кстати, о проблемах: что прикажешь делать с леди Авой?

- Ничего. Проблему с ней я надеюсь разрешить еще до вечера. Главное, не выпускать ее из поля зрения до тех пор, пока она не сядет в Симплон-Ориент-экспресс. Ты же понимаешь, Ава не собирается здесь задерживаться: приехала, забрала бриллиант и вечерним поездом уехала обратно.

Насвистывая моцартовскую ариетту, Альдо зашагал к лестнице, а Лиза полуласково, полусердито смотрела мужу вслед. Будет ли когда-нибудь за ней последнее слово в отношениях с этим непредсказуемым мужчиной, с которым она вместе уже столько лет! Сколько? Страшно подумать! Женщина не собиралась их считать, пусть главной точкой отсчета будет рождение их близнецов, Антонио и Амалии. А вот что не подлежало сомнению, так это то, что Альдо наконец воскресал, как Феникс. Он вернулся из Англии едва живым, а сейчас она слышала, как он разговаривает сам с собой, набирая себе ванну - непременно горячую! А потом он будет в ней париться и к тому же еще и курить. И никакая сила в мире не сможет ему помешать пуститься в очередную опасную авантюру, а ей, замирая от ужаса, придется ждать самых неожиданных новостей. Но еще ужаснее то, что именно такая жизнь ей по вкусу. А вот Альдо домосед, Альдо в изысканном костюме, ведущий размеренный образ жизни, мирно делящий время между рабочим кабинетом, ювелирным магазином, аукционами,

распродажами и встречами с клиентами, Альдо, не покидающий Венецию, появляющийся по вечерам с ней под руку на званых вечерах то в одном доме, то в другом, где в окружении восхищенных его обаянием индюшек рассказывает увлекательные истории, – такой Альдо наскучил бы ей мгновенно! Хотя с другой стороны...

Чудесная мелодия зальцбургского волшебника [6] сменилась другой, более громкой, запестрев фальшивыми нотами. Да, такова особенность Альдо Морозини – насвистывал он без ошибок, а вот пел фальшиво.

Лиза вошла в просторную ванную комнату, окутанную легким душистым паром, благоухающим английской лавандой Ярблей, и привычно уселась на край ванны.

– А что, если ты мне расскажешь чуть больше обо всей этой истории? – попросила она. – Появление у нас в доме крадущегося на цыпочках Адальбера осталось для меня загадкой.

– Чистосердечно признаюсь: для меня тоже. Другое дело, что с ним вместе мы сможем свернуть любые горы. Но вот факт, которому трудно поверить! Записка, лежащая в кармане моего халата, подтвердила, что Ава Великолепная вовсе не любительница сказок. В самом деле, пятьдесят пять каратов исчезли из замка Хивер, а в краже обвинен не кто иной, как я!

– Обвинен, но кем? У обвинителя есть имя?

– Лорд Астор, владелец замка Хивер, собственной персоной. Будто бы я явился к нему, воспользовавшись дружбой с твоим отцом. Меня приняли с распростертыми объятиями, и я удалился, прихватив с собой семейную драгоценность. Потому-то мне и нужно, чтобы ты любой ценой отыскала отца.

– Тебя могут арестовать?

– Посмотрим. Но судя по тому, как осторожничает Адальбер, могут. Значит, мы до вечера держим леди Аву под наблюдением, потом я исчезаю, а ты передаешь ей записку. Мы назначим ей свидание, вот только решим с Адальбером где.

– А когда случилась кража?

– Три дня тому назад. И мы с тобой прекрасно знаем, что тогда я был в Англии и как раз там подцепил заразу, которая свалила меня с ног.

– При этом твой клиент не только не приглашал тебя к себе, но даже и не был дома. А каково расстояние между двумя этими замками?

– Замок лорда Эллертона в двадцати километрах от замка Хивер. Вывод?

– Ясен любому дураку.

– Пришли ко мне Адальбера. Он уже видел меня голышом, сознания не потеряет. И попроси принести нам сюда кофе.

– Снова кофе?! После шоколада ты собираешься пить его литрами?

– Мне нужно восстановиться. Шоколад помогает телу, кофе обостряет интеллект.

– Надо же какие тонкости! Ты растешь прямо на глазах.

Лиза скрылась за дверью очень вовремя, а то могла бы получить мокрой губкой, которой запустил в нее Альдо.

Несколько минут спустя худощавый силуэт Адальбера Видаль-Пеликорна нарисовался на пороге мраморной ванной комнаты. Как всегда несколько взвинченный, одетый в свободном, но безусловно элегантно-стиле, Адальбер откинул со лба непокорную прядь белокурых волос с нитками седины, взглянул бесхитростными голубыми глазами, которые никому не сообщали, что их владелец хитрее индейца сиу, и сурово скомандовал:

- Сейчас же вылезай из ванны, а то через две секунды я буду мокрее тебя! Ты что, уже не болен?

- Болел, но выздоровел. Некоторые новости, как выяснилось, обладают целительным свойством.

Альдо поймал брошенное другом полотенце, вытерся, накинул купальный халат и вернулся в спальню, куда Захария уже успел принести кофе. Отхлебнул глоток, наконец-то зажег сигарету и с наслаждением сделал первую затяжку.

- Господи! Хорошо-то как! А теперь поболтаем. Во-первых, чем обязаны неожиданному визиту? Во-вторых, что там за история с кражей?

- «Санси» - объяснение моего визита. Бриллиант в самом деле украли в замке Хивер прямо из-под носа Астора. «Санси» был самым драгоценным из сокровищ хозяйки дома. Я приехал если не избавить тебя от неприятностей, то хотя бы помочь отбиваться от них, потому что Асторы обвиняют в краже тебя.

- Я знаю. Идиотизм редкий, потому что я ни разу в жизни у них не был.

- Они клянутся, что был, что тепло тебя приняли в качестве зятя их старинного друга Морица Кледермана. А после твоего отъезда обнаружили, что ты увез с собой симпатичный сувенир. Если я правильно понял, ты в тот вечер как раз и был в этих самых краях.

- В двадцати километрах, в доме моего старинного партнера, который, как оказалось, не только не приглашал меня приехать, но и сам был в отъезде, о чем мне сообщил дворецкий. Я пришел в ярость, больше всего из-за английской скверной погоды, и хотел только одного: как можно скорее вернуться домой и лечь в постель.

- И где же ты ночевал?

- Да нигде. Вернулся в Хитроу, оттуда на самолете в Бурже. Там сел на самолет до Милана, в Милане на поезд до дома!

- Да ты в самом деле сумасшедший! - изумился Адальбер. - Вместо того чтобы тихо и спокойно отправиться к тете Амели...

- Я как умница-разумница не стал делиться с нею микробами. Она ведь уже не молода, ты об этом знаешь?

- Она моложе тебя, это точно. Если хочешь, я...

- Не клянись, не надо! Лучше скажи, как тебе удалось так быстро приехать?

- Проще простого. Меня отправил Ланглуа. Но за быстроту, разумеется, можешь похвалить меня лично.
- Ланглуа? Главный начальник парижской полиции?
- Ты знаешь другого?
- Нет, но признаюсь честно: не могу взять в толк, при чем тут он. Кража – мировая сенсация, камень исторический, «вор – человек известный и до сих пор с безупречной репутацией», и вдруг шеф французских полицейских отправляет тебя, чтобы предупредить и, возможно, даже оказать помощь этому самому вору? Тогда как в Англии суперинтендант Уоррен уже отправил по следу всех своих подчиненных. И какой в этом смысл?
- Кое-какой имеется.
- Объясни какой, – попросил Альдо, зажигая вторую сигарету.
- Сейчас все расскажу. Ни Уоррен, ни Ланглуа, разумеется, не верят в твою виновность. Они слишком хорошо тебя знают. Уоррен начал с того, что известил Ланглуа о случившемся, желая заткнуть болтливые рты. Он никого не пускал по следу. Но едва Уоррен успел ввести в курс дел нашего шефа, как угодил в больницу.
- Что с ним такое?
- Точно не скажу, но, похоже, что-то серьезное, потому что пока вместо него будет работать его заместитель. И насколько я понял, Уоррен боится этого человека, как чумы. Чтобы не спугнуть любителей исторических драгоценностей, а они сейчас напряглись во всех концах мира, принято решение вести дело как можно тише. Ланглуа поручил мне прикрывать тебя до тех пор, пока ты не свяжешься с тестем и вы не съездите вместе к Асторам с тем, чтобы они отозвали свой иск, официально признав, что произошла ошибка.
- Я тоже считаю, что это самое разумное. И еще думаю, что Лиза уже звонит своему отцу. Он тут же прилетит, заберет меня, отвезет в Хивер, где мне принесут извинения, и все пойдет своим чередом.
- Все так, но есть одно «но», причем существенное. Кледерман сейчас в Южной Америке. Он ищет какие-то необыкновенные изумруды, и, полагаю, он уже где-то в Манаусе. Первое, что сделал Ланглуа, – это позвонил его секретарю в Цюрих.
- Господи! Что Морицу там понадобилось? Да, в этой дыре есть изумрудные копи, но ведь он собирает исторические драгоценности!
- Может, дело в величине камня? В общем, неизвестно зачем, но он там и занят поисками. Разумеется, в полной тайне, потому что исчезновение финансиста такого масштаба сразу вызывает панику в определенных кругах, порождая нежелательные слухи.
- Ты хочешь сказать, что эта дурацкая история далека от завершения? – сердито спросил Альдо, принимаясь одеваться. – Тогда почему бы мне не отправиться в Хивер, например, вместе с тобой?
- Но я же...

- И со всеми документами, подтверждающими мою личность. Асторы не смогут не признать, что ошиблись!

- По сведениям Ланглуа, в тех местах есть люди, которые видели тебя и для которых нет сомнения, что это был именно ты.

- В Эллертон-парке, безусловно, я был, но не в Хивере.

- Не повезло тебе, что именно в вечер кражи ты был примерно в тех же местах!

- Не повезло?! Да я уверен, что меня специально туда отправили! Я стал жертвой подлых мошенников и очень бы хотел знать, кто они!

- Это и надо выяснить. Кстати, достославная леди Ава еще здесь? Зачем она приехала?

- Хотела забрать «Санси». Она узнала о краже и, не сомневаясь, что украл его именно я и он находится у меня, примчалась, чтобы потребовать камень. Заплатив, разумеется. Ты помнишь, что в Понтарлье я пообещал ей бриллиант, чтобы ее отблагодарить? Так вот она решила, что самый простой способ достать для нее бриллиант – это ограбить семейство Асторов, ведь никаких других вариантов я не придумал, и приехала за ним. И она совсем не привлекает к себе внимания. Так, во всяком случае, она считает.

Адальбер не мог удержаться от смеха, и его веселость немного разрядила общее напряжение.

- Ты уверен, что она собиралась заплатить?

- Уверен, что пыталась достать ручку и чековую книжку.

- И сколько?

- До суммы дело не дошло. Ты же понимаешь, у меня нет никакого бриллианта.

- А у леди Авы желания платить. Можно подумать, ты ее не знаешь! Десять против одного, что ручка бы не писала, чековая книжка внезапно кончилась и старушка под предлогом, что бриллиант нужно спрятать как можно скорее, уехала бы с ним, пообещав прислать деньги в тот же вечер.

- И я бы никогда не увидел ни Авы, ни бриллианта? Верю, что будь я вором, так бы оно и было. А теперь ты мне лучше скажи, какое задание дал тебе Ланглуа?

- Привезти тебя во Францию. Там ты опять станешь Мишелем Морльером, а я Люсьеном Ломбаром, и парочка небезызвестных журналистов пустится на поиски «Санси», а заодно и того, кто походит на тебя настолько, что сумел обмануть людей, которые знакомы с тобой только шапочно.

- Задумка не кажется мне удачной. Но я уверен, что Ланглуа настолько значимый человек, что если он за меня поручится, то со всеми подозрениями будет покончено.

- Тебе не кажется, что ты слишком много от него требуешь? Будь ему по гроб жизни благодарен, что он хочет тебе помочь и отправил меня сюда. Не капризничай. Хоть один раз в жизни послушайся и сделай то, что тебе предлагают. О доме и коллекции камней не беспокойся. Италия сейчас в прекрасных отношениях с Францией, а вот с Англией она на ножах. Но Лизу ты все-таки попроси уехать с детьми к бабушке.

- Считаешь, что постоянные разъезды способствуют нормальной семейной жизни? С тех пор как мы женаты, я не знаю, где чаще живет Лиза - в Венеции или в Швейцарии. Ты не находишь это странным?

- А я-то тут при чем? Это вы путешествуете, сохраняете свежесть чувств, ведете себя как новобрачные. И думаю... Ты не станешь отрицать, что ваши встречи обладают особым шармом?

- Не стану. Но после охоты за изумрудами пророка я поклялся не расставаться с Лизой, и посмотри, что из этого вышло!

- А что? Трое детей и неостывающая любовь. Не так уж плохо!

- Неостывающая? Ты забыл, что я чуть было не потерял ее?

- Не забыл, но Лиза тогда стала жертвой дурмана. [7] И потом, согласишься, есть воспоминания, которым не стоит открывать дверь.

Полное страсти лицо красавицы Полины Белмон, ее глаза небесного цвета проплыли перед мысленным взором Альдо в облаках муслина, который она так любила... Проплыли и исчезли.

- Америка от нас далеко, - с меланхолической улыбкой произнес Альдо. - Ну, так что мы будем делать?

- Вечером Зиан отвезет нас в Местр, где стоит мой автомобиль.

- Обожаемый болид «Амилькар» с сиденьями, набитыми вишневыми косточками? Знаешь, мне кажется, что ко мне возвращается бронхит.

- Нет, я на другой машине.

- А сейчас ты умираешь от усталости?

- Устал, но не умираю. Постараюсь хорошенько выспаться днем, а в дороге, когда минуем швейцарскую границу, можно будет расслабиться. И скажи мне заранее, что ты выбираешь: особняк на улице Альфреда де Виньи или мои старые, обитые кожей кресла?

- У нас будет полно времени, и мы обсудим это по дороге. Я думаю, у тебя остановиться разумнее. Я вовсе не хочу подвергать риску тетю Амели и План-Крепен.

- Можешь быть уверен, что План-Крепен всегда рада любому риску. Она снова в прекрасной форме.

- Ты обедаешь с нами?

- Будет лучше, если болтливая Ава не узнает, что я здесь. Мне очень уютно на кухне в обществе Анжело Пизани.

- Ты прав, от непредсказуемой леди никогда не знаешь, чего ожидать. Если хочешь, можешь пообедать лангустами у Монти.

- Боюсь, что и это не безопасно. У меня запоминающаяся внешность. Скажи, а с какой стати ты пригласил леди Аву к себе обедать?

- Чтобы не выпускать ее из поля зрения. И еще чтобы отвратить раз и навсегда от «Санси».

- Ты думаешь, такое возможно?

- А почему нет? Во-первых, мы никогда в жизни не говорили, что этот бриллиант предназначен для леди Астор. Речь шла о камне примерно такого же размера, который на протяжении своей долгой жизни украшал хотя бы одну королеву. Предпочтительнее всего Марию-Антуанетту, к которой у леди Авы особая симпатия. Но в данном случае главную роль сыграла зависть: леди Ава уже много лет завидует Нэнси Астор из-за «Санси». Ну и жадность, конечно. Узнав о краже, она воспарила на крыльях своей фантазии и вообразила, что раз камень ничего не стоил грабителю, то и ей достанется почти даром. Или еще того лучше, она получит его просто так, спасая вора. Я постараюсь справиться и с одним драконом и со вторым.

- Отважный рыцарь! Но кто знает? Все может быть.

Адальбер отправился отдыхать, а Альдо продолжал заниматься своим туалетом, удивляясь великолепному самочувствию. Что же его вылечило? Шоколад и круассаны Лизы? Море черного кофе? Горячая ванна, в которой он с таким удовольствием понежился? Не важно! Хворь, с которой он вернулся из Англии, похоже, сложила оружие. А возможно, мужчина наконец расстался с хандрой, которая донимала его в последнее время. Что могло быть целительней нового и опасного приключения, которое его ожидало? Альдо был совсем не прочь поохотиться за одним из самых удивительных, легендарных бриллиантов, которые он так любил. Вот если бы ему удалось отыскать «Санси»! Но совсем не ради алчной леди Риблсдэйл, ее он намерен порадовать другим камнем. И вовсе не ради его законных владельцев. А ради собственного чувственного удовольствия, так будет приятно покатасть между пальцев один из самых красивых в мире бриллиантов. Хотя он и не самый крупный.

Переменяя виртуозное насвистывание Моцарта небольшими хрипами, Альдо весело вошел к себе в кабинет, несказанно удивив своего секретаря.

- За завтраком я видел перед собой умирающего, сеньор Альдо, но к обеду вы воскресли! И я бы даже сказал, расцвели! Невероятно, но факт. Особенно если учесть, какой «кирпич» свалился вам на голову! Обвинение в краже бриллианта не пустяк!

- Я давно заметил, что возмущение лечит множество недугов. Мое пришлось очень кстати, так как вечером я уезжаю. И как всегда, поручаю вам вести дела под началом сеньора Бюто.

- Не в первый раз, мы к этому привыкли. Уточните только, что отвечать, когда вас будут спрашивать.

- Говорите как обычно: в отъезде. Деловая поездка. И что самое смешное: вы скажете истинную правду.

Обед для Лизы - да и для Альдо тоже - обернулся истинной пыткой: постоянно приходилось следить, как бы не сказать чего-нибудь лишнего. Леди Ава, о чем бы ни заходила речь, сворачивала разговор на «Санси».

Альдо постарался выиграть время, рассказывая госте не слишком веселую историю прекрасного камня, не позабыв упомянуть и о его нахождении в желудке дворецкого Жерома.

Когда состояние сеньора де Санси чувствительно уменьшилось, он продал драгоценный камень королю Англии Якову I, сыну Марии Стюарт, наследовавшему трон после великой Елизаветы. Потом он перешел по наследству Карлу I, сыну Якова и Анны Датской. А когда Англию

сотрясла буря, поднятая пивоваром Кромвелем, Карлу I до того, как он был приговорен к смерти и обезглавлен в Уайтхолле перед окнами собственной спальни, удалось отправить жену, дочь французского короля Генриха IV, Генриетту-Марию, и шкатулку с драгоценностями во Францию. Людовик XIV не достиг тогда еще совершеннолетия, и кардинал Мазарини управлял одновременно и Францией, и чувствами регентши Анны Австрийской.

- Она носила «Санси»? - спросила взволнованная леди Ава.

- Анна Австрийская сочеталась тайным браком с Мазарини, так что вполне возможно, она его изредка надевала, - ответил Альдо.

- Вышла замуж за кардинала? Как это разрешили?

- Все было возможно тогда для церкви. Можно было стать кардиналом, но не являться священником. Регентша слыла красавицей, и, я думаю, Мазарини было приятно видеть ее с этим украшением. Во всяком случае, именно этот камень положил начало коллекции кардинала. После его смерти в ней насчитали восемнадцать бриллиантов, и с тех пор они называются «мазарены». Кардинал был очень привязан к своим богатствам, и в особенности к драгоценным камням, но по завещанию оставил все юному Людовику XIV. Было это в марте тысяча шестьсот шестьдесят первого года. «Санси» вместе с остальными «мазаренами» стал достоянием Французской Короны и пребывал в королевской сокровищнице до революции.

- Значит, его носила и Мария-Антуанетта? - еще больше взволновалась леди Ава.

- Вполне возможно. Но поскольку у нее было множество бриллиантов, думаю, она носила его очень редко. Во время революции сокровищница Французской Короны была разграблена. Я имею в виду настоящее ограбление. Сокровищницу временно поместили на Склад королевской мебели на площади Согласия в Париже, и три ночи подряд грабители выносили оттуда драгоценности.

- Все-все украли? - переспросила леди Ава чуть не плача.

- Почти. Но потом немалую часть нашли, в том числе и некоторые «мазарены».

- А «Санси»? Что случилось с ним?

- Рассказывать тут почти нечего. В тысяча семьсот девяносто шестом году «Санси» был заложен маркизу де Иранда в Мадриде взамен лошадей. Бриллиант не был выкуплен и остался у маркиза, тот подарил его Мануэлю Годю, князю Мира, фавориту королевы Марии-Луизы. В тысяча восемьсот двадцать восьмом году бриллиант был продан князю Демидову, который буквально через несколько месяцев умер. Драгоценность перешла по наследству к его сыну в тысяча восемьсот двадцать девятом году, и его жена с гордостью носила его вплоть до своей кончины в тысяча восемьсот шестьдесят пятом. Знатный индеец с непроизносимым именем Джамесетджи Джиджибой владел «Санси» до тысяча восемьсот восемьдесят девятого года, а в этом году бриллиант снова вернулся во Францию благодаря ювелиру Люсьену Фализу. Он продал его вашему родственнику Уильяму Астору де...

- Дальше не стоит, - оборвала Альдо леди Ава, не утруждая себя излишней вежливостью. - Что дальше, я знаю и продолжаю надеяться, что «Санси» займет свое место среди моих украшений.

- Вы по-прежнему хотите иметь этот камень? - удивилась Лиза. И стала перечислять по пальцам то, что должно было смутить любого покупателя. - Желудок дворецкого, казнь Карла I

Английского, казнь Марии-Антуанетты, казнь грабителей Дома мебели, смерть князя Демидова вскоре после...

- Зато мой кузен Уильям прекрасно себя чувствует. Сколько камень весит, вы сказали?

- Пятьдесят пять каратов.

- Чудесно! Он только выиграет, когда засияет на мне!

Альдо тяжело вздохнул:

- Осмелюсь вам напомнить, что у меня нет камня. Что я добропорядочный коммерсант, а не проходимец-грабитель.

- В Пон... Не помню, как это местечко называется, мысль о краже вас не пугала, и вы пообещали осуществить мою мечту. Цитирую ваши собственные слова: «Понадобится, украду из королевской сокровищницы в Лондоне». Вы говорили это или нет?

- Я был так счастлив, что мог сказать, что угодно! Но раз я поклялся, что у вас будет исторический бриллиант, то он у вас будет. Не было случая, чтобы я не сдержал своего слова. Но не ценой чести. Я никогда не был и никогда не стану... вором!

- Тогда постарайтесь во что бы то ни стало заполучить «Санси»! Теперь я знаю точно, что другой бриллиант мне не нужен!

- И вы думаете, я брошусь выполнять вашу прихоть? Вся полиция мира уже на ногах, и я ради того, чтобы вы поразили великолепием своего убора высший свет, должен окончить свои дни за решеткой? И в мыслях такого не имейте! Я обещал вам знаменитый камень, и вы его получите, разумеется, тоже из «мазаренов». И уверен, не пожалеете. А «Санси» вернется к леди Астор и будет украшать ее и никого другого.

- А вот это мы еще посмотрим!

Леди Риблсдэйл внезапно гордо вскинула голову, осушила чуть ли не залпом свой бокал шампанского, а остаток плеснула прямо Альдо в лицо. Он побледнел, как смерть. Еще минута, и мужчина вцепился бы гостю в горло. Удержала его Лиза и сказала с непередаваемой иронией:

- С леди такого бы не случилось.

- С леди из семьи Астор случается и похлеще! – ответствовала своенравная гостя. – Подумайте хорошенько. Найдете бриллиант, сообщите!

Задрав подбородок к потолку, леди Ава прошествовала по Лаковой гостиной к двери в сопровождении неодобрительно молчащего Ги Бюто.

Ава Риблсдэйл покинула гостиную и дворец Морозини, а вечером того же дня и Венецию, сев на Симплон-Орьент-экспресс. Это был как раз один из трех дней, когда Восточный экспресс, направляясь в Константинополь, проходил через Венецию. Анжело Пизани, которому было поручено не спускать глаз с леди Авы, удостоверился, что она села именно в этот поезд.

- Похоже, я правильно поступил, приехав на автомобиле. Иначе мы бы попали прямиком в ее объятия, – зевнув, сказал Адальбер, проспавший всю вторую половину дня.

- Может, это было бы не так уж и плохо, - задумчиво подхватила Лиза. - По крайней мере, мы бы точно от нее избавились. Леди Ава предоставила бы вам миллион возможностей выкинуть ее в окно.

- Она влезла бы обратно, - мрачно заключил Альдо. - Насекомые этого вида на удивление живучи.

2. И все-таки они решили вмешаться...

- Вот и они!

Бросив карты, сидевшая за пасьянсом Мари-Анжелин дю План-Крепен вскочила, едва не опрокинув ломберный столик, за которым так уютно устроилась. Шум разбудил и маркизу де Соммьер, она тихонько дремала в своем белом мягком кресле, похожем на трон со спинкой веером, пока ее не отвлекли.

- И как я только ничего не услышала?

- Мы не прислушивались и думали о другом, - ласково отозвалась Мари-Анжелин, не забывая почтительного множественного числа, которое употребляла на протяжении многих лет по отношению к своей престарелой родственнице, у которой жила, исполняя множество самых разнообразных обязанностей: секретаря, чтицы, наперсницы и... главного по новостям. Она приносила их с избытка после утренней мессы в церкви святого Августина, где встречались все окрестные кумушки, составившие орден, священной главой которого молчаливо признавалась дю План-Крепен, чьи предки участвовали в Крестовых походах.

- Да! Они приехали! Я уверена!

План-Крепен бросилась со всех ног через анфиладу гостиных, которая соединяла зимний сад, где они сидели, с вестибюлем. Старичок дворецкий, которого звали Сиприен в самом деле только что открыл дверь и впустил промерзших до костей путешественников.

- Когда наконец конструкторы автомобилей предусмотрят хоть какое-то отопление в своих изделиях? - ворчал Адальбер, не желая расставаться с шубой, которую упорно пытался снять с него Сиприен.

- Да не так уж было и холодно. От мотора все-таки шло какое-то тепло, но нет ничего лучше, чем кресло возле горящего камина, - вздохнул Альдо.

Когда он оказался в мягком тепле зимнего сада, то лучшего для себя и пожелать не мог.

Хотя Альдо и Адальбер отдохнули несколько часов в уютной гостинице, как только пересекли швейцарскую границу, до Парижа они добрались не в лучшем состоянии. От холодного влажного воздуха бронхит Альдо расцвел с новой силой, а Адальбер, утомленный долгой дорогой, чихал в унисон со своим побратимом [8], как называла мужа и его друга Лиза. Словно назло, погода, которая могла бы быть приятной, была из рук вон скверной. И если друзья все же добрались живыми до столицы Франции, то только благодаря двум термосам с горячим кофе, сдобренным... В общем, чем-то очень полезным.

Друзья были невероятно счастливы оказаться в компании гостеприимной и обожаемой тетушки, с той единственной разницей, что на этот раз они никого не обнимали и не целовали и вместо рюмки арманьяка [9] попросили принести им парижские газеты. По дороге мужчины

уже купили две, но не нашли и намека на сведения, которые их так беспокоили.

- Пойдемте позвоним главному комиссару Ланглуа, – распорядилась План-Крепен, обратившись к маркизе. – Он сказал нам, что ему можно звонить в любое время, когда бы ни приехали «мальчики».

- А нельзя ли отложить звонок до утра? – жалобно попросил Адальбер, который чуть ли не двенадцать часов провел за рулем и мечтал только о сытном обеде и своей постели.

- Мне очень жаль, но комиссар настойчиво просил нас звонить немедленно, – возразила Мари-Анжелин. – Он хочет все знать тотчас же. Дело слишком серьезное.

- Не будем преувеличивать, – воскликнул Альдо, с наслаждением вдыхая аромат красного вина, согретого с корицей и апельсиновой цедрой.

- Тебя может ждать сюрприз, – предупредила госпожа де Соммьер.

- Вы пугаете меня, тетя Амели!

- Нет, я шучу. Я просто хочу сказать, что подобные истории не обходятся без сюрпризов. И буду очень удивлена, если после нашего звонка комиссар Ланглуа заставит себя ждать.

Он не заставил и появился в особняке уже четверть часа спустя, обойдясь без помощи сирены, которая давала ему возможность беспрепятственно мчаться туда, куда призывал долг.

Почему-то в присутствии комиссара всем сразу стало спокойнее.

Начальнику полиции Пьеру Ланглуа было под пятьдесят, и надо сказать, что глава уголовного розыска являлся одним из самых элегантных мужчин Парижа. Он был высок, худощав, носил безупречного кроя костюмы, и было видно, что, когда у него находилось лишнее время, он играл в гольф и теннис. Обычно он носил в бутоньерке скромный василек или другой полевой цветочек, но с недавних пор, когда президент республики лично сделал его командором ордена Почетного легиона, он вместо цветка стал носить пурпурную с золотом розетку. Он полагал это служебным долгом, а не платил таким образом дань личному тщеславию. Комиссара гораздо больше растрогали не похвалы президента, а поздравления «его» людей на следующий день после вручения особой награды.

Ланглуа склонился к руке маркизы для поцелуя, потом пожал руку План-Крепен и обоим друзьям.

- Вижу, вы не стали задерживаться в дороге, и очень вам за это благодарен, – сказал он, слегка улыбнувшись.

- Мы спешили изо всех сил, – пробурчал Адальбер. – Морозини поднялся с кровати, в которой лежал с бронхитом, и постарался любезно поделиться им со мной, в чем и преуспел. За исключением бронхита, у нас все в порядке.

- Не подходите к ним близко, – предупредила План-Крепен. – И я полагаю, что никому не повредит чашка горячего напитка.

- Если не хотите травяной отвар по домашнему рецепту, то советую выпить кофе.

- Предпочту попробовать вместе с Морозини отвар. А теперь перейдем к вещам гораздо более

серьезным. Видаль-Пеликорн уже сообщил вам, что владельцы замка Хивер обвинили вас в краже бриллианта «Санси»?

- Не умаляя своего уважения к вам, скажу, что знал об этом до приезда Адальбера, - вздохнул Альдо.

- Как это возможно? Мы из кожи вон лезли, чтобы никто ничего не узнал!

- Эту тайну я раскрою вам тотчас же. Ава Астор появилась у меня в доме с первым лучом солнца, не сомневаясь, что я украл бриллиант ради ее прекрасных глаз. Она пришла ко мне, чтобы забрать его раньше, чем нагрянет полиция. Ситуация станет вам совершенно понятной, когда я добавлю, что в Понтарлье я пообещал этой леди достать для нее исторический бриллиант. Там она оказала мне неоценимую услугу, ни секунды не помышляя об этом. И я не собирался медлить с исполнением обещания, в надежде мечтая как можно скорее избавиться от назойливой дамы.

- О чем вы только думали?! Исторические бриллианты на улице не валяются!

- Я думал о «Зеркале Португалии». Этот камень я лично продал тестю несколько лет тому назад. Он того же класса, что и «Санси», тоже из «мазаренов».

- Так почему же ей понадобился непременно «Санси»?

- Потому что ее бесит, что бриллиант сияет в волосах ее родственницы. И должен отметить, что камень - один из красивейших в мире. К тому же внушительной величины: весит пятьдесят пять каратов. «Зеркало Португалии» больше, но, к сожалению, не с таким ярким блеском. И повторю: леди не сомневается, что украл его я.

- К сожалению, не только ваша леди. Британская полиция тоже. Уоррен предупредил меня об этом, а на следующий день угодил в больницу с пулевым ранением. Уже сделали операцию, но до поправки еще далеко. Вести дело поручено его заместителю. У него нет ни малейших оснований вам доверять, он вас не знает, и мужчина поклялся, что непременно наденет на вас наручники.

- Но это же смешно, - вмешалась в разговор госпожа де Соммьер. - Начнем с того, что Альдо даже в Англии не был в этот вечер.

- К несчастью, был. И подхватил там ту самую заразу, которой, боюсь, поделился с Адальбером!

- И что же ты там делал?

- Свою работу. У меня была назначена встреча с лордом Уильямом Эллертоном, моим старинным партнером и очаровательнейшим человеком. У него чудесная коллекция украшений, но - увы! - он уже немолод, и по старой дружбе пригласил меня, чтобы помочь ему советом.

- Не мог поговорить с вами по телефону? Не думаю, что он настолько стар, что не знает о существовании телефонной связи, - проскрипела недовольным голосом План-Крепен.

Альдо молча вынул из бумажника письмо, которое потрудился взять с собой, и протянул его Ланглуа.

Комиссар прочитал послание и нахмурился.

- Так, значит, вы поехали, и что? Повидались со своим другом?

- Нет. Вот тут и начинаются странности. Я приехал в Ливингстон, и дворецкий Седвик, встретив меня, посмотрел мне в глаза так, словно я с луны свалился. Он уверил, что хозяин не мог пригласить гостей, потому что находится в поездке.

- Но он мог, по крайней мере, оказать тебе услугу, проявить гостеприимство, раз твой бронхит уже дал о себе знать, - заметила маркиза.

- Он и этого не сделал, а чувствовал я себя прескверно. К тому же в этой расчудесной стране было до ужаса холодно, и мне хотелось одного: вернуться домой как можно скорее. Я тут же сел в машину, которую взял в Лондоне напрокат, добрался до Хитроу и двинулся на самолет до Парижа.

Маркиза и План-Крепен воскликнули в один голос:

- На самолет?! Но вы же терпеть не можете их!

- Разумеется. Но самолет все же гораздо быстрее, чем пароход или поезд. И я совершил еще один подвиг: в Бурже успел сесть на другой рейс до Милана, а в Милане не упустил поезда до Венеции. Вот и всё мое приключение.

- А в Париже вам не пришла в голову мысль, что мы можем за вами поухаживать? - обиженно осведомилась План-Крепен.

- Конечно, пришла, но мне не хотелось делиться с вами микробами. И если уж быть до конца честным, то мне было так плохо, что я мечтал об одном: о своей постели и заботах Лизы. Вот так! В доказательство передаю вам свой паспорт, дорогой Ланглуа.

- Паспорта подделывают, - пробурчал комиссар полиции. - А теперь извольте выслушать версию английской полиции о том, как вы провели вечер восьмого марта.

- И что же думает эта полиция?

- Что вы, безусловно, побывали в Ливингстоне, где вас не ждал ни дворецкий, ни отсутствующий хозяин, и тогда вам пришла в голову мысль о гостеприимном крове замка Хивер, расположенного, в общем-то, неподалеку. Поскольку было известно о давней дружбе лорда Уильяма Астора с вашим тестем, вас там приняли тепло и по-дружески.

- Приняли человека, с которым даже не были знакомы?

- Вы стали знаменитостью, дорогой Альдо.

- В очень узком кругу! Кругу коллекционеров, ювелиров, антикваров. Но чтобы английская знать открывала двери своего дома перед совершенно незнакомым человеком? Такого я себе представить не могу!

- Имя Кледермана стало волшебным ключиком. К тому же газеты не раз воздавали вам должное. Ваше имя известно. Ничего удивительного, что у этих людей не возникло чувство недоверия.

Мари-Анжелин слушала разговор, нахмурившись, и внезапно ринулась в атаку:

- И что вы хотите сказать? Что любой может выдать себя за кого захочет?

- Не исключено, если обладать изрядной долей уверенности. Хотя даже сопернику Арсена Люпена [10] пришлось бы весьма потрудиться, изображая настоящего Альдо. Откуда ему было взять опухшую щеку, ячмень на веке и вдобавок слезящиеся глаза из-за мучительного насморка? Но ему это не понадобилось.

Адальбер не мог удержаться от смеха.

- Если ты сомневался, насколько хорош собой, то, думаю, больше не будешь, - прибавил он и подмигнул другу.

Потом, став совершенно серьезным, пожал плечами и объяснил:

- Я хотел сказать, что всегда легче изображать господина Как Все, а не собственно конкретного человека.

- А что, обитатели Хивера сидят замурованные в своем замке? Никогда никого в глаза не видят? - продолжала возмущаться Мари-Анжелин. - С какой радости они так гостеприимны? Или им захотелось лично познакомиться со знаменитым Морозини?

- План-Крепен! - одернула компаньонку маркиза. - Нельзя ли быть посдержаннее?

- Простите! Но я не могу молчать, если закипает гнев!

Адальбера несказанно забавляла их словесная перепалка, и он подлил масла в огонь:

- Не забудьте о репутации нашего Альдо! Эксперт по старинным драгоценностям должен иметь доступ в любой аристократический дом. Меня бы, например, так легко в подобные места не позвали.

- Вы - вообще другое дело. Вас и изобразить труднее.

Ланглуа молча следил, как противники обмениваются «ударами шпаги». И наконец сказал свое веское слово:

- Почему не предположить, что у Альдо есть двойник? Думаю, они есть у каждого, но у нас нет ни надобности, ни времени их отыскивать. Ладно, хватит шутить. Выход один: ваш, Альдо, тесть, господин Кледерман! Он должен лично отвезти вас к Асторам, и тогда все мигом уладится.

- Одна беда, тесть сейчас в Южной Америке, ищет бог весть какую коллекцию изумрудов. А этот континент нельзя сказать, чтобы был мал...

- А связь с ним есть? В какой он, собственно, стране? Бразилии? Аргентине? Колумбии? Надеюсь, не углубился в джунгли Амазонки? В любом случае, человека такого масштаба потерять нелегко. Рано или поздно мы с ним свяжемся. Это я беру на себя, - успокоил собравшихся Ланглуа.

- Но есть же еще проблемы, - вскинулся Альдо. - Напоминаю, что существует на свете леди Риблсдэйл. Она вбила себе в голову не только то, что я украл «Санси» у ее родственницы, но еще и то, что я сделал это для нее. Когда приехал Адальбер, которого вы ко мне отправили, она

как раз была у меня, желая получить бриллиант.

- Как бы там ни было, единственное разрешение всех наших проблем – это господин Кледерман!

Альдо одним глотком выпил арманьяк, поданный ему по его просьбе, поставил рюмку, вздохнул и горько прибавил:

- Господин Кледерман не разрешит проблемы с леди Авой, она желает только «Санси», и никакой другой камень ее не устроит. Женщина слишком долго изнывала от зависти к своей кузине.

- Вот мы и вернулись к исходной точке! Где искать бриллиант?

Глаза главного комиссара, всегда пронзительно серьезные, помрачнели.

- В любом случае, леди Ава не самая главная фигура головоломки. Тем более, насколько я знаю, она перессорилась со всеми обитателями замка Хивер.

- Об этом она со мной не говорила. Только о бриллианте, за который собиралась заплатить, что меня весьма удивило. И еще она боялась, что полиция, нагрянув ко мне в дом, заберет камень раньше, чем она.

- Полиция? Какая полиция? Венецианская? Эта кража ее не касается... Во всяком случае, в ближайшее время. Но я послал за вами Видаль-Пеликорна, чтобы вы все же были под моей защитой. Какое-то время вам лучше не жить у себя. Да, какое-то время...

- И где мне лучше остаться? Здесь или у Адальбера?

Мари-Анжелин немедленно вооружилась боевым топором слов.

- Вы смертельно устали, Альдо, – объявила она. – Здесь ваша семья, я ведь не ошиблась? Вас пригласили приехать, вы приехали, рассказали господину главному комиссару полиции обо всем, что было с вами в Англии, и теперь вам остается только ждать и следить за ходом событий.

- Ваше заявление нуждается в коррекции, – пробурчал Адальбер. – С каких это пор я исключен из членов семьи?

- Но вы живете не один. И мы не знаем, кто может занять вашу квартиру!

- Не думаю, что дело будет долгим, – вмешалась тетя Амели. – Как только Асторы признают свою ошибку...

- К сожалению, я не думаю, что случившееся – ошибка, это удар в намеченную цель, – объявил комиссар Ланглуа. – Для меня первоочередная задача поймать похитителя. Кто, скажите мне, так непринужденно мог изобразить Морозини? Откуда появился этот человек? Кто-нибудь из вашей родни?

- Вся моя родня перед вами. Вы всех знаете лично. А если вы вдруг подумали, что у моего отца могли быть незаконнорожденные дети, то забудьте об этом. Отец любил только одну женщину, свою ненаглядную жену, и любил ее страстно. Он ушел из этого мира, к несчастью, слишком рано, но их любовь стала легендой. И после его смерти маркиза Изабель, моя мать, отвергала

все предложения руки и сердца, а их было немало. Среди ее воздыхателей были весьма почетные люди, например лорд Килренан, но она хранила верность памяти отца.

- Но, возможно, кто-то из дальних родственников? - осмелился предположить Адальбер. - Может, согрешил какой-нибудь ваш кузен?

Лучше бы он помолчал. План-Крепен едва не вцепилась ему в волосы!

- Что вы еще скажете? Знайте, господин с дерзким языком, что в нашем роду нет незаконнорожденных! Наша кровь чиста, начиная...

- Неужели с Крестовых походов? - тихонько спросила госпожа де Соммьер, а потом невольно сменила тему: - Дорога до нас весьма длинная, а значит, сложная. Особенно нелегка она для мальчиков, и, бывает, они нуждаются после нее в отдыхе. Вы останетесь с нами пообедать, дорогой комиссар Ланглуа?

- Сделал бы это с радостью, не сомневайтесь, но сегодня никак не могу.

Мужчина поднялся и поцеловал маркизе руку.

- В ожидании новостей постарайтесь хорошенько поспать. Вы все нуждаетесь в отдыхе. Я буду держать вас в курсе событий, - пообещал комиссар на прощание.

Прислушиваясь к четким шагам Ланглуа, удалявшегося по анфиладе гостиных, тетя Амели, вздохнув, сказала:

- Какое счастье, что он у нас есть! Нам его Сам Бог послал!

Сидя на следующее утро за завтраком напротив очаровательнейшего старичка Ги Бюто, главного помощника Альдо, Лиза дала волю обиде и негодованию, которые мучили ее всю ночь после того, как в зелени лагуны растворился катер, увозивший ее мужа с неизменным Адальбером к очередной аванюре, не сулившей ничего хорошего. Леди Ава! Только ее сумасшедших бредней им не хватало! Чтобы Альдо, поехав к клиенту в Англию, который - нельзя этого забывать! - вовсе не приглашал его, не остановился при необходимости в удобной городской или сельской гостинице, а отправился навязывать себя незнакомым людям под предлогом, что они знакомы с его тестем? Да быть такого не может! А еще вдобавок ее муж, воспользовавшись утренним туманом, убежал из гостеприимного дома, прихватив семейную драгоценность? Они что, эти свои семейные драгоценности в столовой держат, чтобы каждый мог ими любоваться? Да кто может поверить таким неслыханным глупостям? И все же самое невероятное, что Альдо «узнали» и приняли, хотя видели разве что фотографию в какой-нибудь газете или журнале! Он никогда не бывал в доме Асторов вместе с ее отцом: всем известно, что члены семьи Кледерман любят жить независимо друг от друга. А уж леди Ава! Бросила все дела и примчалась на следующий день после кражи, чтобы заполучить ворованное! Да такой особе место в психиатрической больнице! Или еще где-нибудь похуже!

Ги, добродушно поглядывая на Лизу из-за чашки с кофе, наблюдал за бурей эмоций, что отражалась на ее лице. Он привык к бурным реакциям супругов и играл в семье роль мудрого любящего дедушки, нисколько не сомневаясь, что, как только все успокоится, жизнь войдет в свою привычную колею.

С ласковой улыбкой он смотрел на озабоченное и сердитое лицо Лизы, по-прежнему, как и

Альдо, любуясь ее нежным цветом лица, синим бархатом глаз и пышными золотыми волосами, поистине «венецианскими», хоть она родилась в Швейцарии.

- Мне кажется, вы мало спали этой ночью?

- Да, я мало спала, но много думала.

- И что же надумали? Повезете детей в Вену или отправитесь с ними в имение бабушки?

- Нет, пока я туда не поеду. За детьми бабушка пришлет Жозефа, своего дворецкого, он отвезет их.

- Это которого терпеть не может Альдо? - улыбнулся Бюто.

- Неприязнь мужа не уменьшает преданности Жозефа, а дети чувствуют к нему инстинктивное почтение, что очень для них полезно.

- А что же вы? Хотите присоединиться к Альдо?

- Нет, не хочу. Я поеду в Англию.

Блекло-голубые глаза старого господина стали круглыми от удивления.

- В Англию? Вы-то что там забыли?

И через секунду добавил:

- Хотите познакомиться с обитателями замка Хивер?

- Нет, я проведу свое личное маленькое расследование. И поможет мне моя хорошая подруга Мэри Уинфельд, я остановлюсь у нее в Челси.

- Вы собираетесь навестить леди Макинтайр?

- Нет, Ги! Я же сказала, что еду к Мэри Уинфельд, близкой подруге, крестной матери моей Амалии и знаменитой художнице. Вы же знаете, после портретов, которые она создала в Индии, а писала она вице-короля и других высокопоставленных лиц, она прославилась, не захотела хоронить себя в Пешаваре и вернулась в Лондон. А вот Дуглас, ее муж, вынужден был остаться, так как он на службе.

- Похоже, они не часто видятся.

- Что не мешает им оставаться любящими супругами. У Мэри не может быть, к несчастью, детей, и она целиком посвятила себя живописи. Думаю, в Лондоне она знает всех и каждого. И знакомства у нее могут быть самые неожиданные. В общем, я еду к ней.

- Вы предупредили о своей поездке Альдо?

- Нет! Он непременно отговорил бы меня, найдя самые убедительные доводы. Пусть лучше думает, что я в Вене.

- Но если вы понадобится? - осведомился Ги в полной растерянности, не зная, что и предположить о неожиданном решении Лизы.

- Вы будете знать, где я нахожусь!

- Я крайне польщен, но ни госпожа де Соммьер, ни мадемуазель дю...

- План-Крепен? Я еще подумаю, но, скорее всего, сообщу им. Они обе умницы и умеют держать язык за зубами. Что ж, пойду готовить детей к отъезду!

- А сами? Когда вы намерены уехать?

- Как только получу ответ от Мэри. Сначала позвоню ей. Она работает по целым дням, так что застать ее, например, в обед не составляет труда, а вот вечером другое дело.

Лиза рассудила совершенно правильно: она связалась с подругой немедленно, договорилась с ней и решила, что поедет на Восточном экспрессе в четверг до Калэ, потом пароход, потом другой поезд, а на вокзале Виктория ее непременно встретит Мэри. До четверга будет достаточно времени, чтобы привести все дела в порядок и узнать, позвонив тайком План-Крепен, что путешественники благополучно добрались до Парижа и все обстоит наилучшим образом.

Главной проблемой оставались дети. Они привыкли, что мама всегда рядом, поэтому предстоящая разлука требовала обстоятельного разговора. В первую очередь с Антонио, потому что в отсутствие Альдо он считал себя главой семейства. Кудрявая темноволосая голова придерживалась собственной железной логики, и эту логику всегда разделяла Амалия, его сестра-двойняшка. Антонио терпеть не мог отступлений от заведенного порядка, он обожал мать и не желал расставаться с нею.

Напрасно Лиза сто раз повторила, что едет в гости к крестной Амалии, что она просила ее приехать, что открывается большая выставка и ее, Лизу, ждут на вернисаж.

Антонио стоял на своем:

- Сначала отвези нас к бабушке, потом уедешь. А что такое «саж»? И почему его нужно вернуть? Как вы в эту игру играете?

- Вернисажем называется открытие выставки картин, дорогой. Это праздник в честь такого события. Мэри Уинфельд - большой художник, и мы все ею очень гордимся.

- У меня крестная художник, - радостно подхватила Амалия.

- Это всем известно, и что? Почему из-за твоей крестной все должно перевернуться вверх дном? Пусть она важная художница, но это не значит, что мама не проводит нас и не...

Спор продолжался, Ги Бюто с улыбкой наблюдал за ним, а Лиза спрашивала себя, уж не начать ли ей «сердиться»? Больше всего она опасалась, что, увидев своего провожатого, дети и вовсе откажутся ехать. Но сгустившиеся грозные тучи внезапно рассеялись, как по волшебству. Гондола Зиана - гондольера-шофера - мягко причалила к ступеням дворца, и из нее высадились три человека: грозный, седовласый Жозеф с насупленным лицом и усами, как у императора Франца-Иосифа, невысокая женщина, судя по всему, горничная, и, наконец, пожилая дама, высокая, сухощавая, прямая, как буква I, чем-то похожая на госпожу де Соммьер, свою современницу, одетая в длинное каракулевое манто и ток [11] с фиалками. При виде ее близнецы издали радостный вопль:

- Бабуля!

И бросились к ней.

Удивительное явление – графиня Валери фон Адлерстейн терпеть не могла путешествий. Лиза поспешила к ней с объятиями и поцелуями.

- Подумать только, бабушка! Вы приехали сами! Как вас благодарить!

- Сначала чашкой горячего кофе! Этим утром в лагуне, дорогая, холод пробирает до костей. А потом постарайся, голубка, чтобы мы успели на поезд Венеция – Вена, он отправляется в три часа с вокзала Санта Лючия и идет через Бреннер. Так мы уже завтра будем в Рудольфкроне, где у меня очень много дел. А пока я успею узнать, почему так внезапно изменились твои планы. Надеюсь, не произошло ничего серьезного?

- Я тоже от всего сердца на это надеюсь. И поверьте моему мнению, каскад недоразумений должен в самое ближайшее время рассеяться. И мне бы очень хотелось хоть как-то этому помочь.

- А где Альдо?

- Уехал в Париж. Адальбер приехал за ним. Уверил, что так распорядился главный комиссар Ланглуа для того, чтобы подстраховать его. Но что же мы стоим? Кофе уже ждет в Лаковой гостиной. И я с нетерпением жду рассказа, почему вы взяли на себя такой труд и приехали сами за малышами.

- Загадки нет, ты же попросила меня прислать за ними Жозефа.

- И что же?

- Я не хотела у тебя во дворце революции. Господь ведает, что я никогда не сомневалась в преданности Жозефа и... в его твердом характере. Я не забыла об антипатии, которая существует между Альдо и Жозефом, и ее подсознательно разделяет Антонио. Так что я не сомневалась: у тебя немедленно возникнут проблемы. Поэтому и сочла, что будет разумнее, если эту веселую компанию я сама возьму под крыло. Мне кажется, так ты уедешь со спокойным сердцем. Так куда же ты собралась?

- В Лондон, к Мэри, оттуда вам напишу.

- Неожиданный поворот. Обычно Альдо исчезает в неизвестном направлении на неопределенный срок. На этот раз ты готова последовать его примеру. С чего вдруг?

- Мне почему-то кажется, что от моего путешествия будет польза. До того как я вышла замуж за Альдо, на протяжении двух лет я была его личным секретарем, его правой рукой, наверное, что-то от него усвоила.

В Лаковой гостиной их ждали поднос с чашками, кофейник с напитком и венские булочки. Графиня Валери улыбнулась дамам на портретах, вытащила длинные булавки, которые держали меховой ток на ее пышных серебряных волосах, водрузила ток на голову юного фавна, украшавшего консоль, бросила мантию на кресло, сама уселась в другое и только тогда взяла в руки чашку, которую ей протягивала Лиза.

- А вот теперь рассказывай, что случилось, в подробностях.

Считая Ланглуа подарком небес, Мари-Анжелин была недалеко от истины. Похищение «Санси», в котором обвинили самого крупного европейского, а то и мирового эксперта по знаменитым историческим драгоценностям, не могло не вызвать большой шумихи в разных концах света, возбудить сплетни и толки. Однако набережная Орфевр крепко держала в своих руках прессу, и журналисты пока проявляли несвойственную им сдержанность. Но дело было не только в набережной Орфевр. Во-первых, Альдо, наполовину француз, часто сотрудничавший с известным египтологом Видаль-Пеликорном, нередко поставлял в газеты всевозможные сенсационные материалы. Во-вторых, проблемы англичан мало интересовали их наследственных врагов – ну, если только позлорадствовать. К тому же «Санси», который на протяжении веков находился в сокровищнице Французской Короны и был украден в 1792 году во время революции из сундуков Склада королевской мебели, находившегося на площади Согласия, а тогда именовавшейся площадью Революции, по мнению французов, должен был не украшать высокопоставленную английскую даму, а находиться в одной из витрин Лувра. Стало быть, предполагаемый грабитель, воспользовавшись немалым кредитом общественной симпатии, в Париже мог немного расслабиться и заняться лечением бронхита, который вновь распоясался, воспользовавшись непогодой, что завладела чуть ли не всей Европой.

А вот по другую сторону Ла-Манша дела обстояли совсем иначе, и Ланглуа не скрывал тревоги, которую внушало ему состояние коллеги англичанина, суперинтенданта Гордона Уоррена, госпитализированного из-за ранения, полученного во время ареста особо опасной бандитской группировки. Целых две недели он висел на волоске между жизнью и смертью, но в конце концов свернул на дорожку, ведущую к жизни, однако о работе, разумеется, пока не могло быть и речи. Все дела вел его заместитель Адам Митчел.

Уоррен был близко знаком с тандемом Альдо – Адальбер, он даже с ними сотрудничал, так что сто раз бы подумал прежде, чем пускать ищеек ловить Альдо Морозини. Другое дело, Адам Митчел. Столетняя война для него, похоже, продолжалась, и он ненавидел все, что так или иначе относилось к Франции... За одним-единственным исключением: он питал слабость к некоторым сортам бордосских вин, уверяя, что их виноградники когда-то принадлежали его семье, но были утрачены после битвы при Кастильоне в 1456 году. Эта битва окончательно закрепила Аквитанию за Французской Коронай.

Со стороны этого человека Морозини не мог рассчитывать не только на сочувствие, но даже на добросовестное расследование. Митчел был бы счастлив любой возможности арестовать его, он только и мечтал, чтобы князь Альдо Морозини оказался за решеткой, не успев сказать «ах».

Мэри Уинфельд очень обрадовалась подруге, приехавшей погостить. Исчезновение «Санси» по-прежнему оставалось самой модной темой в кулуарах. Лиза, разумеется, не стала появляться в обществе под своей настоящей фамилией. Она родилась в Швейцарии, у нее было двойное гражданство, и женщина предусмотрительно сохранила паспорт на имя Мины ван Зельден, под которым работала секретарем у Альдо. Имя ей по-прежнему нравилось, а вот от старомодных костюмов и нескладных очков, которые помогали ей скрывать свою красоту, она отказалась. Очки она выбрала с затененными стеклами, но вполне приемлемые, какие носят обычно близорукие люди. И оделась элегантно, как привыкла, но, конечно, скромно и незаметно.

Отправив детей с бабушкой в Рудольфкрон, она поспешила позвонить в Цюрих, собираясь узнать поточнее, с какой целью ее папочка отправился в Южную Америку, но Бирхауэр, его личный секретарь, не смог – а возможно, не пожелал – ей об этом сообщить.

– Вы лучше меня знаете господина Кледермана, госпожа Лиза, – ответил ей самый рациональный человек на свете. – Если ваш отец нападает на след редкой драгоценности, он

становится устрицей.

- Отец бы порадовался, услышав, что вы считаете его устрицей.

- Почему нет? Хорошее сравнение. Вы прекрасно понимаете, с какой страстью ваш отец охотится за редкой коллекцией или необычным камнем, и он прав, когда держит все в строжайшей тайне. Коллекционеры ревнивы, и у них всегда наготове ножи.

- Чтобы вскрыть устрицу? - невесело пошутила Лиза.

Этим сравнением ей и пришлось довольствоваться, хотя про себя она не сомневалась, что, если дело дойдет до катастрофы, она первая узнает, где найти своего отца.

А пока они с Ги Бюто радовались немногому: Мориц Кледерман ищет в Южной Америке изумруды.

В Париже супруг Лизы благополучно избавился от бронхита, но по мере того, как улучшалось его физическое состояние, ухудшалось настроение.

- Вы можете мне сказать, что я тут делаю? - взорвался Альдо однажды вечером, войдя в зимний сад, где они обычно пили кофе.

- Ты выздоравливаешь и наслаждаешься свободой. Это не так мало для человека, которого разыскивает английская полиция, - заметил Адальбер, разделявший почти что заточение своего побратима.

- Но я здоров! И вот тебе доказательство! - воскликнул Альдо, закуривая вторую сигарету.

- Скажем лучше, ты выздоравливаешь, - с добродушной улыбкой поправила племянника госпожа де Соммьер. - Ты же не хочешь простудиться снова...

- Я нуждаюсь в душевном равновесии! Моя свобода, мое благополучие - все под угрозой! Вы должны понять, что для меня это невыносимо! Меня подозревают! Я вор! Это я-то!

- Ты уже побывал в роли убийцы, - меланхолично сообщил Адальбер, наливая в пузатую рюмку солидную порцию арманьяка. Взяв рюмку в руки, он стал согревать напиток, прежде чем передать другу. - И чувствовал себя совсем неплохо. Выпей-ка немного лекарства, и тебе сразу станет легче.

- Сколько времени мне еще сидеть без дела?!

- А что такое, собственно, время? - задумчиво спросила План-Крепен, как всегда раскладывающая пасьянс. - Порождение нашего ума, некое...

- Если вы думаете успокоить Альдо философией, то напрасно, - вмешалась маркиза. - Лучше погадайте ему на картах.

- Но мы не очень-то любим карточные гаданья, - запротестовала План-Крепен, всегда употреблявшая уважительное множественное число, когда говорила со своей покровительницей и родственницей. - Мы опасаемся карт, потому что они не лгут, - прибавила она трагическим шепотом.

- В таком случае, Альдо, лучше всего вам отправиться спать. И вы перед сном почитаете.

Можно выбрать «В поисках утраченного времени» Пруста. Роман, который как нельзя лучше подходит к вашему вечернему философскому настроению, а на меня действует как хорошее снотворное.

- Ну, уж нет, - возмутился Альдо. - Мне сейчас не до сна, и вы не оставите меня в одиночестве! Послушайте, Мари-Анжелин, у вас всегда множество самых оригинальных идей. Придумайте, как мне выбраться из этого болота!

- Мудрость советует нам набраться терпения и ни в коем случае не бросаться очертя голову в очередную авантюру. Дождемся, когда наш дорогой Ланглуа сообщит что-то новенькое. Самой большой глупостью будет, если мы безоглядно ринемся вперед и нарушим его планы.

- Это понятно, - буркнул Альдо. - Но у меня, между прочим, в Англии немало друзей, и полагаю, им не приходит в голову поверить такой немыслимой глупости: ни с того ни с сего я превратился в грабителя! Начать с лорда Эллертона. Мой давний партнер и, я бы даже сказал, старинный друг, с которым целых пять или шесть лет мы горели одинаковой страстью к украшениям эпохи Тюдоров. Он написал мне, пригласил провести у него два или три дня. Я согласился, несмотря на нездоровье, и в указанный день приехал. И что же? Не застал его дома. Мне едва приоткрыли дверь, сообщив, что хозяина срочно вызвали неведомо куда каким-то таинственным письмом. Мне не оставлена даже записка с извинением, меня как будто бы и не ждали. Мне не предложили войти, поужинать, переночевать, на что я мог рассчитывать ввиду нашей старой дружбы. И я немедленно уезжаю. А дальше следует ограбление. Эта история не наводит на размышления? Не вызывает вопросов? И где лорд Эллертон? Я хотел бы это знать!

- Нет сомнений, что Гордон Уоррен быстренько покончил бы со всеми загадками, но он сейчас в простое, - меланхолично заметил Адальбер.

- Подходящее определение для тяжело раненного друга, - не без яда отметила План-Крепен. - Но если совместить все догадки, возникает заговор!

- Против меня? Но с какой стати?

Адальбер рассмеялся:

- Святая простота! Если ты единственный на два континента эксперт по историческим драгоценностям, живешь во дворце, у тебя немалое состояние и коллекция, достойная музеев, как ты думаешь, тебе ни в чем нельзя позавидовать? Мне кажется, есть. Так что оснований для заговоров против тебя немало. Но пока все очень запутано.

А в скором времени запутается еще больше.

Прошло два дня, и короткий звонок с набережной Орфевр известил наших друзей о том, что, согласно английской прессе, лорд Эллертон пропал именно в тот самый день, когда назначил встречу Альдо, о которой дворецкий Седвик слухом не слыхивал и не был предупрежден.

- Ланглуа считает этот факт крайне странным, потому как у Альдо есть пригласительное письмо, благодаря которому он и двинулся в путь. Но как бы там ни было, старый лорд уехал утром в неизвестном направлении и не вернулся.

- Это означает, что охота за мной продолжается, - с горечью констатировал Альдо. - И если меня арестуют, я могу не только предстать перед английским судом, но и... заслужить

виселицу, если с лордом что-то случится.

- А мы что, будем ждать и вертеть пальцами? - возмутилась План-Крепен.

- Вы будете за меня молиться, милая Мари-Анжелин, - ласково ответил Альдо и погладил ее по щеке. - Разве молитвы - не главное ваше занятие? Мне так горько, что я нарушаю покой и ваш, и этого любимого дома. Мне бы так не хотелось для вас никаких неприятностей!

- Не вижу, какие могут быть у нас неприятности, - улыбнулась тетя Амели. - Вряд ли этот Митчел настолько рьян, что убедит короля Георга объявить войну Франции.

- А собственно, почему бы нам не возобновить Столетнюю войну? - громогласно спросил Адальбер, появившийся на пороге столовой с пачкой свежих газет под мышкой. - Лично я «за»! А ты? Но сначала скажи, как ты себя чувствуешь?

- Лучше не бывает. Изводит лишь возмущение и бездействие.

- Значит, пора лечиться.

- Что ты имеешь в виду?

- Вступаем на тропу войны. У меня есть две-три идейки, их надо проработать.

- Не надо нам никаких войн. Тем более сейчас. И вас, мальчики, я прошу быть предельно осмотрительными. Не забывайте, что дружба комиссара Ланглуа очень много для меня значит, - строго предупредила маркиза.

- Мы и не собираемся вытворять что-то необыкновенное.

- Вы нет, но взгляните на План-Крепен! Стоило вспомнить о Столетней войне, как ноздри у нее затрепетали. Еще немного, и у нас появится новая Жанна д'Арк...

3. Портреты

Вернисаж Королевской академии художеств в Лондоне был важным событием светской жизни. Открывали его сама королева Мария и наследная принцесса Елизавета. Боже мой! Сколько толпилось там народа - истинные любители искусства, критики, модники, снобы... И было чем полюбоваться, не зал, а цветущий сад: дуновение весны разбудило женскую фантазию, и какие только шляпы и шляпки не радовали глаз. Взор не знал, на чем остановиться - на бархатных настурциях или шелковых пышных розах, на хризантемах или анютиных глазках, цикламенах, мимозе или нежно-розовом яблонево цветке. Отсутствовали разве что гладиолусы и штокрозы, не уместившиеся на фетровых полях. Однако пожилые достойные вдовы остались верны страусовым перьям, прильнувшим к черным шляпам, похожим на мужские цилиндры.

Возле картин, удостоенных чести быть выставленными, прогуливались их творцы. Художники непринужденно беседовали со знакомыми, чутко ловя замечания проходящей мимо публики. Не было сомнений, что больше всего восхищений вызывал портрет художницы Мэри Уинфельд. Он был и в самом деле удивительным.

Высокая женщина с пышными светлыми волосами в строгом вечернем платье из черного бархата, который подчеркивал белизну ее кожи, серьезно - а возможно, немного грустно - смотрела на зрителей, чаруя обаянием. Глаза у нее были голубыми, в руках она держала веер

из белых, отливающих голубизной перьев, в светлых волосах мелькало серебро седины. Она была не только красива, но и знаменита. Эта леди – Нэнси Астор, первая женщина в истории, выбранная в палату общин. Ее родственница, несносная леди Ава, считала сей факт смехотворным и еще больше возненавидела за это Нэнси.

Но истинной причиной ее ненависти была вовсе не политика, а бриллиант, который сверкал и переливался в прическе достойной дамы. Камень был единственным украшением строгого наряда, без него он был бы откровенно аскетичен. Назывался этот камень «Санси».

Так что же удивительного, что именно этот портрет оказался в центре внимания гостей вернисажа? Что на нем сосредоточились взгляды? Что он стал главной темой разговоров и обсуждений? Могло ли быть иначе, если стечение обстоятельств сделало этот бриллиант сенсацией дня? Так как же было не обсуждать его?

- Говорят, муж подарил ей этот бриллиант после рождения сына-первенца, - говорила одна дама другой, обмахиваясь программкой.

- Вот это, я понимаю, подарок! А я заслужила лишь маленькую жемчужинку, когда Вальтер появился на свет. По мнению мужа, большего я не заслужила, потому что родила мальчика, как две капли воды похожего на моего отца!

- Каждый живет по своим средствам, - утешила ее подруга.

Автор портрета, подписывая программку пятнадцатилетней поклоннице живописи, не могла удержаться от смеха. Те несколько лет, что принесли Мэри Уинфельд славу лучшей портретистки Англии, нисколько ее не изменили. Все та же копна вьющихся белокурых волос, миловидное круглое личико, карие глаза, смешливость и непосредственность – такой она была, когда училась в школе Слейда, такой осталась и теперь. И все поздравления и комплименты принимала с присущей ей естественностью и простотой. С милой улыбкой она присела в реверансе перед ее королевским величеством несколько минут тому назад и слегка порозовела от удовольствия, когда монаршая особа высказала пожелание иметь двойной портрет дочерей, Елизаветы и Маргариты, ее кисти. Мэри ответила, что и кисть, и художница в полном распоряжении ее величества и будут в Букингемском дворце в тот день и час, который им назначат.

Лиза с нескрываемым удовольствием присутствовала при триумфе подруги.

- Просьбы о портретах сыплются со всех сторон, - улыбнулась она. - И что ты будешь делать?

- То же, что и раньше: писать, - отозвалась Мэри. - Но, разумеется, первой моей работой будет заказ королевы. Я воспользуюсь им, чтобы отсеять часть клиентов.

- Отсеять?

- Ну да. Думаю, для тебя не секрет, Лиза, что некоторые просьбы продиктованы нездоровым любопытством к моей жизни, а не желанием получить картину.

- Которое возникло вскоре после того, как ты написала портрет жены вице-короля Индии и вознеслась на вершину славы.

- Ты совершенно права! Приоритет королевы и работа во дворце позволят мне отложить до греческих календ тех заказчиков, которые рассчитывают на долгие часы творчества, чтобы вытянуть из меня что-нибудь интересенькое. Но знаешь, я нисколько не обольщаюсь на свой

счет. Кажется, что я звезда этой выставки, но на самом деле всех этих людей притягивает к портрету совсем другая вещь, а вовсе не мое мастерство!

И Мэри указала на бриллиант, сиявший в волосах леди Астор.

В эту минуту в зале появилась новая посетительница и направилась прямо к портрету, присоединившись к стоящей перед ним толпе зрителей.

- О, господи! - пробормотала Лиза, отступив на шаг и спрятавшись за подругу, как за ширму. - Несносная леди Ава! Ей-то что тут понадобилось? Как же она замучила меня в тот ужасный день в Венеции! Я его буду помнить до смертного часа! Что за несчастная мысль пришла Альдо в голову пообещать ей историческую драгоценность?!

- Но ему никак не догадаться было, что кто-то украдет «Санси», а леди Ава вообразит, будто его похитил твой муж, чтобы ее порадовать. Только такая законченная эгоистка и могла вообразить подобное. Но ты совершенно напрасно волнуешься. Хоть Ава и смотрела на тебя целый день, я уверена, она тебя не узнает!

Но не только непробиваемый эгоизм несносной особы мог помешать ей узнать жену Альдо, сама Лиза выглядела совершенно иначе, чем в Венеции. Она снова стала Миной ван Зельден, но, конечно, не в белой пикейной блузке со стоечкой и старомодной юбке до пят, похожей на фунтик с жареным картофелем, нет, она была в модном и элегантном костюме, но ее пышные «венецианские» волосы, которые обожал Альдо, были собраны в тяжелый узел на затылке и спрятаны под небольшую изысканную шляпку. Вместо туфель на шпильках Лиза надела обувь без каблуков, что сделало ее только изящнее и стройнее. Очки в темной черепаховой оправе с слегка затененными стеклами дополняли ее новый облик. А макияж? Он вообще отсутствовал. Эту новую Лизу Мэри, ее подруга детства, едва узнала, когда встречала ее вчера на вокзале Виктория.

- Если ты все же предпочитаешь избежать встречи, - продолжала Мэри, глядя на неотвратимо приближающуюся леди Аву, - то возвращайся домой и жди меня там. Мне еще придется побыть здесь какое-то время, но зато ты, по крайней мере, поймешь, что привело сюда эту мегеру. Ты узнаешь все, а о тебе не узнает никто! Поезжай и попроси Гертруду подбодрить тебя чашечкой душистого чая.

Услышав о чае, Лиза едва не скривилась. Она, как и Альдо, терпеть не могла «британский брандахлыст», предпочитая ему итальянский кофе, горячий и бархатистый.

Покинув Королевскую академию художеств, Лиза взяла такси и назвала шоферу адрес Мэри.

Мужем подруги был Дональд Макинтайр, сын генерала Макинтайра. Когда муж приезжал из Индии, он и Мэри занимали апартаменты в доме генерала, отведенные им своему наследнику. Кроме внушительного особняка на Портленд-Плейс в Лондоне у отца Дональда был еще родовой замок в Шотландии. Но Мэри нравилось жить в Челси, старинном лондонском квартале, где поселилось немало артистов и художников. Французам Челси казался подобием Монпарнаса, слившегося с Сен-Жермен-де-Пре [12]. Мэри купила в Челси очаровательный особнячок из розового кирпича по соседству с Чейни-Уок и прогулочной аллеей вдоль Темзы и устроила в нем мастерскую. Она не подозревала, что второй такой особнячок, только еще более старинный, который был построен Екатериной Браганской [13] и в котором когда-то жил художник Данте Габриэль Росетти, приобрел Адальбер Видаль-Пеликорн.

Случилось это, когда была найдена гробница Тутанхамона - величайшее потрясение для

египтологов всего мира, - и Адальбер, не захотев увеличивать число постояльцев «Савоя», но страстно желая наблюдать вблизи за всеми событиями, перенес свои пенаты в Лондон.

Мэри была слишком занята живописью и понятия не имела, что делается у нее в квартале, но Лиза знала о покупке побратима, потому что у Альдо в особняке друга появилась своя комната. Потом Адальбер пережил очень печальную историю, занимаясь поисками химеры Борджа. Бедный египтолог чуть ли не навсегда поссорился со своим побратимом, став рабом обольстительной Лукреции Торелли [14], чья красота и дивный голос могли сравниться лишь с ее жестокостью и низостью. Особняк стал свидетелем многих драматических моментов. Избавившись от наваждения, Адальбер запер свой лондонский дом на ключ, предварительно сделав в нем ремонт, чтобы уничтожить все следы трагедии своей жизни...

От мужа Лиза знала, что Адальбер не продал свой особняк и не сдавал его, он стоял запертым, и Альдо, когда ездил по делам в Лондон, останавливался по-прежнему в «Ритце».

В своем особняке Мэри, на первом этаже, устроила для себя мастерскую, просторную, светлую, с окнами на север. Мягкий свет падал на помост и старинное кресло, предназначенное для моделей. Второе такое же стояло возле мягкого дивана. В напольной китайской вазе пламенели розы, расставленные здесь и там, изящные безделушки не скрывали, что хозяйка мастерской - женщина.

Четыре спальни, гостиная, столовая и библиотека с богатейшей коллекцией книг по искусству - вот жилое пространство художницы Мэри Уинфельд.

За порядком в доме следил Тимоти, мужчина пятидесяти лет с величественной осанкой. Он умел принять любое высочество согласно протоколу и с должной эффективностью избавиться от назойливых любопытных, желавших пообщаться с «великим художником», а таких, надо сказать, было совсем немало.

Вторым лицом в доме была Гертруда, подававшая чай в любое время дня и ночи, чей талант к изготовлению всевозможных булочек неизменно радовал Мэри и ее редких гостей.

Третьим лицом была Мэйбл, горничная, невообразимо гордая тем, что приближена к знаменитой художнице, и поэтому преданная своей хозяйке душой и телом.

Дополняла штат прислуга, приходящая убираться.

Лиза заменила чашку чая согревающей рюмкой виски и погрузилась в чтение последних «критических» статей. Она продолжала читать, когда вернулась Мэри и устало опустилась в кресло напротив нее, тоже попросив принести ей рюмку виски.

- Не знаю, правильно ли я сделала, отправив тебя домой, - начала со вздохом Мэри, пригубив напиток. - Представь себе, Академия художеств неожиданно стала сценой самых неожиданных событий!

- Ничуть не удивлена. Уверена, что причиной тому невыносимая леди Ава.

- Конечно! Но она встретила достойного соперника.

Ава, как всегда экстравагантно элегантная - чего нельзя было отнять у леди, так это умения одеваться, подчеркивая свою воистину неувядаемую красоту, - быстро обошла всю выставку, а затем застыла перед портретом своей кузины. Она созерцала его несколько минут и наконец громко провозгласила:

- Можно ли носить самый прекрасный бриллиант на свете с такой похоронной физиономией? Великолепный «Санси» заслуживает не такой унылой хозяйки. Хорошо, что его украли. Он должен украшать самую прекрасную женщину на земле!

- Вас, например, - отозвался кто-то из толпы, очевидно, знавший ее.

Впрочем, кто не знал леди Аву?

- Именно! Именно меня! Уж я бы носила невероятный «Санси» с куда большим блеском. Бриллианты, обладающие историей, должны украшать коронованных особ и необыкновенных красавиц. А прекрасный «Санси»...

- Не «Прекрасный Санси», а «Большой Санси».

- Что?! Кто это сказал?

Толпа, стоявшая перед портретом, сгорая от любопытства, расступилась, и к леди Аве подошел высокий юноша. Блондин в безупречном костюме от лучшего портного и с моноклем в левом глазу. Отдавая дань хорошему воспитанию, он поприветствовал леди легким наклоном головы и представился:

- Питер Уолси.

По ходу рассказа Мэри пояснила Лизе, что Питер Уолси, младший сын лорда Картленда, страстно увлечен искусством и историей.

- Он и мной восхищается от души. Славный мальчуган, который рядится в светского денди. Не скрою, что он мне очень по душе. Тебе тоже понравится, и уж точно, позабавит.

- Что-то мне в последнее время не до забав, - вздохнула Лиза. - Но рассказывай дальше, ты остановилась на знакомстве.

- Да, Питер представился, а потом, сославшись на труды известных корифеев по части исторических драгоценностей, сделал достоянием гласности следующее.

- С вашего позволения, леди Риблсдэйл, - сказал он, - я смею утверждать: перед нами знаменитый бриллиант «Большой Санси», а вовсе не «Прекрасный Санси».

- Как это не прекрасный? Что вы хотите сказать?

- Хочу сказать, что существует два камня - этот, в пятьдесят пять каратов с какой-то малостью, и второй, размером гораздо меньше, но окрашенный в розовый цвет. Этот камень удивительной красоты и носит имя «Прекрасный Санси».

Новые сведения с большим трудом доходили до леди Авы.

- И где же находится второй бриллиант? - наконец спросила она.

- В Германии, я думаю. Но если честно, понятия не имею. Я вообще о нем больше ничего не знаю.

- И он также называется «Санси»?

- Да, потому что в конце шестнадцатого века он тоже находился в коллекции сеньор де Санси.

Кроме того, у двух бриллиантов есть и еще кое-что общее: впоследствии они оба находились в сокровищнице Французской Короны.

Леди Ава продолжала сомневаться в словах юноши и нашла новый довод:

- Если бы это было правдой, «Прекрасный Санси» кто-нибудь бы нарисовал! Появился бы какой-нибудь портрет принцессы или королевы...

- Он есть! - уверенно заявил молодой человек. - Жена Генриха IV, Мария де Медичи, которая с ума сходила по драгоценностям, купила его в тысяча шестьсот четвертом году за двадцать тысяч золотых экю, а стоил он вдвое больше, и после коронации в тысяча шестьсот десятом украсила им свою корону, что удостоверяет ее портрет художника Пурбуса. Бриллиант принес королеве счастье, в ближайшие дни ее супруг Генрих погиб от кинжала Равальяка, и она оставалась регентшей до совершеннолетия своего сына, Людовика XIII. Правда, поставив над собой отвратительного Кончини.

- Питер - истинный кладезь знаний, - не могла не восхититься Лиза. - Мне хотелось бы познакомить его с Альдо, тем более что, похоже, леди Ава не самая любимая его женщина. И чем же закончился разговор у портрета?

- Тем же, чем и кончаются все разговоры с леди Риблсдэйл: она, передернув плечами, повернулась к юноше спиной и удалилась с выставки. А что касается Питера... То, кажется, он как раз к нам и пожаловал! И ты сейчас с ним сама познакомишься.

- Нет, я сегодня не в настроении. Мне надо как следует подумать. Мы познакомимся как-нибудь в другой раз. А пока постарайся узнать у него побольше о втором «Санси».

Мэри удивленно взглянула на подругу:

- Ты жена Альдо Морозини, у которого два года работала секретаршей! Ты дочь знаменитого коллекционера Кледермана! Ты должна знать о несчастном «Санси» больше, чем я и Питер вместе взятые.

- Как видишь, не знаю. Я никогда не разделяла - и не понимала! - страсти моих мужчин к этим блестящим камешкам, из-за которых они скачут как сумасшедшие с одного конца планеты на другой, не зная, чем дело кончится. Мне всегда были по душе старинные лампы или комоды.

- Только не говори мне, что не любишь драгоценностей!

- Люблю, но свои, которые сделаны специально для меня. Альдо прекрасно знает, что меня приводит в ужас одна лишь мысль о старинном украшении на шее. Они все в крови! Ему на мне они тоже не нравятся.

Лиза поспешила встать и вышла из комнаты. Не прошло и минуты, как Тимоти ввел в гостиную молодого Уолси. Он поздоровался с хозяйкой, обежал взглядом комнату и вновь вставил в глаз упавший монокль.

- Уж не я ли заставил бежать вашу очаровательную подругу? - осведомился он, удобно устраиваясь в кресле, но не забыв проследить за безупречностью складки на брюках.

- Что за очаровательная подруга?

- Она сопровождала вас на вернисаж в Королевскую академию. Я бы очень хотел, чтобы вы ей меня представили.

- Почему вдруг?

- Не знаю. Она кого-то мне напоминает.

- Подумать только! Вам надо было подойти к нам до вашего ристалища с незабываемой Авой. Но Мина...

- Ее зовут Мина?

- Мина ван Зельден. Она...

- Голландка?

- Нет, швейцарка. И предупреждая вопросы, которые, я чувствую, вот-вот сорвутся с вашего языка, скажу вам сразу, что она укрылась под моим кровом, пережив мучительное испытание...

- Увы, таковы испытания! Вы, например, когда-нибудь переживали не мучительные?

Миловидное личико Мэри неожиданно вспыхнуло:

- Питер, друг мой, если вы намерены продолжать допрос, мы с вами выпьем за дружбу и распрощаемся.

Питер изобразил страшное огорчение:

- Неужели вы готовы со мной распрощаться?

- Не сомневайтесь. Но пусть виски послужит доброму делу. Пока вы еще не ушли, расскажите мне о «Прекрасном Санси», историю о котором вы достали, как маг, из воздуха и о котором завтра будут говорить во всех газетах. Откуда он появился?

- Из рук самой госпожи Истории, дорогая Мэри. Вы знаете мою страсть к этой даме. Но на углубленные поиски меня подвигла невероятная судьба бедного господина Морозини, изумительного эксперта, превратившегося в вора. Здесь есть о чем подумать.

- И вы поверили в превращение? - с невольной угрозой в голосе спросила художница.

- Зная, что вы крестная его дочери, а я ваш друг и поклонник вашего таланта? Да нет, я же не сумасшедший. Но вернемся к «Санси» - большому, прекрасному, и всем остальным камням с названиями и без названий.

- Вы хотите сказать, что есть еще и другие «Санси»?

- Те, что изначально принадлежали Николя де Арлэ, носят его имя, даже если входили в коллекцию Мазарини, состоящую из столь же замечательных восемнадцати бриллиантов, получивших впоследствии по вполне понятной причине название «мазаренов». Однако вернемся к «Санси», который так взволновал публику на вернисаже, за что я прошу у вас прощения.

- Вы сказали, что камень принадлежал Марии де Медичи, а значит, был из украшений

Французской Короны.

- Ничего подобного! Он был подарен лично этой мало привлекательной женщине. После того как она довела Францию чуть ли не до разорения и была изгнана своим сыном Людовиком XIII, бриллиант ненадолго исчез. Она умерла в тысяча шестьсот сорок втором году в Кёльне почти в нищете, несмотря на то что увезла с собой истинные сокровища. «Прекрасный Санси» был продан Фредерику-Генриху Оранскому Нассау, штатгальтеру Голландии, и на протяжении шестидесяти лет оставался у его потомков. В тысяча семьсот втором году его унаследовал курфюрст Бранденбурга Фридрих III Гогенцоллерн, коронованный в тысяча семьсот первом году первым королем Пруссии под именем Фридриха I. С тех пор и до отречения императора Вильгельма II бриллиант оставался в сокровищнице прусской короны.

- А где он теперь?

- Признаюсь честно, не знаю, и это меня огорчает. Но я предполагаю, что он все-таки где-то в Германии, в одном из старинных замков, а может, в каком-либо из императорских дворцов. Ведь фамилия не угасла, вы знаете?

Ответа не последовало, и Питер воспользовался молчанием, чтобы выпить свой виски. Мэри тут же налила ему еще полстаканчика в благодарность за лекцию.

- Из-за вашего столкновения с несносной леди польются потоки чернил. Думаю, вы это понимаете? - заметила Мэри.

- Я на это надеюсь. Терпеть не могу леди Аву. Ее самоуверенность и глупость в соединении со злостью, которой она не скрывает, претят мне. А вот леди Нэнси я люблю. Она истинная гранд-дама и носит свой великолепный бриллиант с тем изяществом и благородством, какие камень заслуживает. Кстати, должен сказать, что ваш портрет настоящее чудо...

- Вернемся в последний раз к «Санси», который я буду называть «Санси Второй». Как случилось, что вы так и не узнали, где он? Германия велика, но есть ли что-нибудь большее, чем ваше любопытство?

- Не так велика, как опасна. Вы что-нибудь слышали о человеке по фамилии Гитлер?

- Слышала? Да весь мир слышит его злобный лай!

- В общем, лично меня интересует не розовый бриллиант, а участь камня леди Нэнси. Морозини тут ни при чем, это ясно. Но вот кто?.. А вам я хочу сказать, что вы не могли бы написать столь проникновенный портрет, если бы во время сеансов не изучили всерьез леди Нэнси, так?

- Думаю, да. И что же?

- Как могла эта умная женщина дать обвести себя вокруг пальца какому-то мошеннику, выдавшему себя за красавца Альдо? Он хорошо известен, и я не думаю, что на свете существует его точная копия.

- Тут нет загадки. Как раз в это время заседала палата общин, и леди Нэнси не было в замке Хивер. Принимал мошенника ее муж и поддался на обман. На него подействовало имя. Подумать только, зять его близкого друга Кледермана, знаменитый эксперт, стоит у порога его дома, нуждается в гостеприимстве! Он думал только об этом. Прибавлю в скобках, что лорд никогда не отличался острым умом. Лучшее его деяние - это любовь к Нэнси, женитьба на ней

и подаренный ей бриллиант. Замечательный дар любви, вы не находите?

- Почему ты не захотела с ним познакомиться? – ласково упрекнула подругу Мэри, когда Питер Уолси попрощался и ушел. – Согласна, что юноша со странностями, но в целом он очень славный мальчик, несмотря на снобизм и монокль.

- Честно говоря, сама не знаю. Я сейчас не совсем в себе. Так переживаю за Альдо.

- Не в первый раз, дружок. Всякий раз, когда он отправляется по следу пропавшего сокровища, ты места себе не находишь, судя по твоим письмам. Хотя на этот раз дело совсем уж необычное, но все должно уладиться в самом скором времени. Как только вернется твой отец...

- Если бы знать, где он... Его путешествие может затянуться.

Мэри налила немного виски в рюмку и протянула Лизе:

- Выпей чуть-чуть, это тебя подбодрит. А я пока схожу за подарком, который приготовила тебе ко дню рождения, но решила, что лучше отдать его прямо сейчас. Он будет у тебя в комнате и поможет дождаться светлых дней.

- Что это такое?

- Ты знаешь, что Альдо наотрез отказался, чтобы я его «препарировала», как он выразился. И я, и любые другие мои коллеги.

- Ну да, он считает, что на стенах нашего дома вполне достаточно Морозини, которые стали достоянием веков. У нас, правда, появился мой портрет, который муж повесил у себя в кабинете. Но он все равно не терпит даже фотографий. Любая, появившаяся в газете, страшно его огорчает.

- Ты не обязана показывать ему мою картину, но у тебя будет хотя бы утешение, когда он станет носиться неведомо где, вместе со своим ненаглядным Адальбером!

- Хорошо, что они вместе! Это меня хоть немного, но успокаивает. А тебя я сейчас крепко поцелую. Ты не только большой художник, ты еще и отзывчивое сердце!

Мэри вышла из гостиной и через несколько минут вернулась с плоским жестким чемоданчиком, специально предназначенным для переноски картин. Она положила его на диван, открыла...

Чемодан был пуст!

Обе женщины потеряли дар речи. Но парализующий ступор был не в характере энергичной Мэри. В следующий миг дом уже дрожал от ее гневного возмущения: вор пробрался к ней в дом! В ее собственную спальню! Украл ее работу! (Такое случалось у ее друзей, которые ей позировали.) Не просто работу – подарок! Подарок самой близкой подруге! Подарок, который бы так ее обрадовал!

Только у Тимоти, который давно служил чете Уинфельд, хватило самообладания стойко выдержать бушевавшую грозу.

Раскаты грома стали понемногу стихать, и тогда он задал короткий вопрос:

- Что делать? Обращаться в полицию?

- Гордону Уоррену позвонила бы немедленно, но Митчел! Никогда его ноги не будет у меня в доме!

Мэри замолчала, закуривая сигарету. Она сделала несколько затяжек, и, воспользовавшись ее молчанием, Лиза спросила:

- А у тебя больше ничего не украли?

- Ничего! Проверить не трудно. За исключением нескольких работ, которые я писала для собственного удовольствия, у меня ничего больше нет. Закончив портрет, я немедленно отправляю его заказчику, и у меня на мольберте снова белеет холст.

На мольберте и в самом деле стоял весьма внушительных размеров прямоугольный холст, на котором уже проступало несколько высокомерное лицо все еще красивого немолодого мужчины. Мэри предпочитала писать людей, которые ей нравились. И было видно, что ей по душе этот шотландец.

- Удивительное лицо! - восхитилась Лиза. - Кто это?

- Старинный аристократ, герцог Гордон. Мне нужно поторопиться с этим портретом и закончить его, прежде чем я и мои кисточки переселятся в Букингемский дворец. Герцог великолепен. И как видишь, далеко не молод, поэтому королева соизволила дать мне время закончить его портрет, прежде чем я возьмусь за ее девчонок. Однако ты можешь мне сказать, кто осмелился обокрасть меня и с чего вдруг?

- Я думаю, - задумчиво откликнулась Лиза, - уж не очередной ли это узелок нашего загадочного дела?

- Поподробнее, пожалуйста!

- Выдать себя за Альдо совсем не просто, а твои творения обладают особым достоинством: они необыкновенно схожи с моделью, потому что ты ищешь не физического сходства, а заглядываешь в душу. Я даже решила, что Альдо как раз из-за этого и не захотел тебе позировать...

- Лучшего комплимента ты не могла мне сделать! И все же мои достоинства живописца не объясняют, каким образом кто-то мог выдать себя за человека такой фактуры, как Альдо!

- Но существуют же фальшивомонетки! Среди лондонских мошенников, и не только лондонских, наверняка есть неведомые миру артисты, способные изменять свою внешность и делать это весьма убедительно. Особенно для людей, которые тебя ни разу в жизни не видели.

- Ты меня убедила! А теперь скажи, где нам искать вора, раз полиция заведомо не на нашей стороне?

- Может быть, попытаться передать это дело в Париж? Главный комиссар Ланглуа большой друг бедного Уоррена и к тому же превосходный следователь. По крайней мере, он попробует дать хороший совет. Может быть, мне стоит съездить туда ненадолго? Тем более от меня здесь пока нет никакой пользы.

- Как это нет? - не согласилась Мэри. - А я? Я так рада, что ты наконец у меня гостишь!..

В скором времени весь дом был перевернут вверх дном, но не был найден не только портрет, но и щель, через которую его могли бы незаметно утащить. Уютный особнячок в Челси сторожили, как военную крепость. Когда Мэри работала, не могло быть и речи, чтобы кто-то со стороны проник к ней в дом. А когда ее не было, Тимоти, Гертруда и Мэйбл охраняли его от любых посягательств, гордясь тем, что служат верой и правдой такой знаменитой персоне. Кража стала для слуг тяжелым ударом, она задела их честь и достоинство.

Среди друзей Мэри только один человек пользовался особыми привилегиями – безупречный Питер Уолси. Его монокль, подчеркнутая элегантность и легкое высокомерие вызывали у них неподдельное уважение. Лиза была удивлена, узнав, что именно Питер был в особняке своим человеком.

- Ты просто его не знаешь, – уверяла ее Мэри, – конечно, сердцу не прикажешь, но в таком случае поверь мне: у меня к нему абсолютное доверие. Думаю, ты поймешь его лучше, если мы как-нибудь пойдем к нему в гости и ты помотришь на его портрет, который висит в библиотеке.

Мэри немедленно позвонила Уолси, и он тут же не медля явился. На этот раз Лизе не удалось избежать церемонии официального представления, хоть она с удовольствием избежала бы ее. Уолси явился не один, он пришел вместе с Финчем, таким же долговым и еще более чопорным молодым человеком, своим слугой, у которого был опыт сыщика, так как на заре своей юности он работал в полиции и мечтал там сделать карьеру. Не остался он в органах правопорядка лишь потому, что его тяготила грубость среды. Финч вырос в утонченной атмосфере герцогского замка, впитал культуру, получил не худшее образование. С Питером Безупречным он познакомился, когда тот вернулся из Оксфорда. Они сошлись на любви к истории и интересе к криминалистике. И с тех пор Финч следовал за своим молодым хозяином верной тенью.

Мужчина с опытом сыщика переступил порог дома Мэри, держа в руках объемистый сак, содержащий немало вещей, которые заинтересовали бы грабителя и вызвали удивление у сотрудника Скотланд-Ярда. Кроме всего прочего внутри сака лежал еще и небольшой ящичек, своего рода походная лаборатория.

Сыщики-любители принялись изучать дом с вниманием, достойным профессионалов, готовясь прочесать его гребешком с частыми зубчиками.

Однако загадка похищения пока так и оставалась загадкой...

Прошло два дня, Мэри и ее подруга сидели и пили чай в маленькой гостиной, обставленной в стиле Регентства. Художница любила здесь отдыхать после тяжелого трудового дня. Внезапно из вестибюля послышались громкие голоса, после чего в уютной комнате появился Тимоти, явно не в своей тарелке, сразу нарушив царящую в ней безмятежность, и, заикаясь, едва успел объявить:

- Ле... Леди Риблсдэйл!

Но гроза уже ворвалась в гостиную. Мэри мгновенно вскочила на ноги, а Лиза отошла от освещенного чайного стола в тень ширмы.

- Прощу вас выйти! – распорядилась Мэри. – Кто вам разрешал врывать ко мне? И почему вы, Тимоти, позволили леди войти без разрешения?

- Ничего не мог поделать. Не решился применить силу к даме.
- Да не устраивайте комедий, Мэри Уинфельд! – воскликнула леди Ава. – Я на минутку и покажу вам кое-что, что вас заинтересует.
- Только на минутку!
- Смотрите...

Под мышкой леди Ава держала папку среднего размера, она раскрыла ее и достала плотный лист бумаги, который сунула художнице под нос.

Мэри, прекрасно знавшей историю живописи, не составило труда узнать малоприятную Марию де Медичи, королеву Франции в коронационном наряде. Женщина была уродлива, зато очень пышно одета. А в короне, венчающей ее высокую прическу, сверкал удивительный бриллиант, слегка отдающий розовым цветом. Холеным пальчиком с маникюром леди Ава ткнула в картину.

- Вот портрет, о котором мне на вашем вернисаже говорил желторотый дурачок, и вот тот бриллиант, который он называл «Прекрасный Санси»!

- Полагаю, не он один. А теперь объясните, с какой стати вы принесли этот портрет мне?

- Кому же еще? Я хочу, чтобы вы написали мой портрет с этим бриллиантом в волосах!

- Не может быть и речи!

- Почему, скажите на милость!

- Потому что у меня нет ни желания, ни времени. И еще потому, что никому это не будет интересно.

- Неправда! Это заинтересует похитителя из замка Хивер. Как только дорогой Морозини поймет, что я настоящая владелица этого бриллианта, он поверит, что я хочу к нему пару, а значит, мне не подходит никакой другой, кроме «Большого Санси». Он пообещал достать мне камень, который может составить конкуренцию бриллианту Нэнси, и был прав, когда решил заполучить его оригинал. А теперь, когда я узнала, что есть два «Санси», я хочу иметь оба! Вы меня понимаете!

- Нет, не понимаю. Мне кажется, что вы окончательно лишились разума! Вам не приходит в голову, что если Морозини, которого вы так легкомысленно обвиняете в краже, арестуют, то его отправят в тюрьму, и у вас не появится вообще никакого бриллианта. Мало этого, вы отправитесь в тюрьму следом за ним!

- Я? – изумилась леди Ава. – Почему это?

- Потому что этот «Прекрасный Санси», – тут Мэри указала на репродукцию, – имеет законного владельца, – отрезала она. – Я понятия не имею, кто он. Возможно, немецкий принц королевской крови. Не знаю, где он его хранит, но как любой владелец драгоценностей – коллекционер или нет – он ревниво относится к своим сокровищам. И если вдруг я напишу портрет, о котором вы меня просите, мужчина вполне может подать на вас жалобу, обвинив в воровстве. И на меня тоже!

- Что за глупости! Раз камень у него, то...

- А вот это неизвестно. Известно другое, во всяком случае, некоторым, - тут Мэри подумала о Питере, - что после отречения Вильгельма II его сокровища рассеялись по всему миру, и отнюдь не законными путями, то есть не через аукционы... Так что «Прекрасный Санси» может оказаться, где угодно, но только не у законного владельца. Какая удача для него, если он увидит камень на вашем портрете. Тут уж вам никак нельзя будет сказать, что Альдо Морозини украл его для вас. Сколько бы ни было у него талантов, способностью быть разом повсюду он не обладает!

Непривычная к таким длинным речам, Мэри налила себе чашку чая, выпила, налила вторую и выпила ее тоже.

- А теперь не соизволите ли дать мне возможность работать? Тимоти, проводите леди Риблсдэйл и позаботьтесь, чтобы дверь была закрыта днем и ночью на цепочку вплоть до новых распоряжений!

Леди Ава покинула гостиную, и Мэри услышала тихий смех. Она подняла глаза и увидела Лизу, сидевшую на верхней ступеньке лестницы, которая вела из гостиной в мастерскую.

- Что ты там делаешь? Я думала, ты убежала к себе.

- Как видишь, не убежала. Когда к нам ворвалась эта женщина, я спряталась за ширму, а потом потихоньку поднялась сюда. Признаюсь, я бы очень жалела, не увидев вашего доблестного поединка. И если бы Альдо не был втянут в эту историю, я бы смеялась от души.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)